

О. Зуеве В.Е.

7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Стенограмма 15 февраля 1991г.
Слуш. ин. Зуев В.Е.
ин. Колтуш В.А.

10307

акад. В. А. КОПТЮГ -

Так. Второй вопрос: "Отчет председателя Томского научного центра академика Владимира Евсеевича Зуева", у которого кончился срок полномочий, и затем обсуждение вопроса по кандидатурам на пост председателя.

Сколько, Владимир Евсеевич, Вам времени требуется?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Ну, я не собираюсь злоупотреблять. Вроде бы, я никогда не отличался длинными речами.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Ну, все-таки - чтобы ориентироваться?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Поскольку я хотел бы, чтобы этот, единственный за всю мою биографию в Сибирском отделении отчет мог бы хоть и схематично, но более-менее отражающим, я хотел бы попросить полчаса.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Полчаса? Ради бога, пожалуйста.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Дорогие товарищи, - хотя это слово становится непопулярным, но я еще не привык к слову господ.

Я первый раз отчитываюсь по таким вопросам, хотя без малого четверть века своей жизни я посвятил проблемам развития академической науки в городе Томске. Сложившиеся определенные объективные обстоятельства в свое время (это было в начале, в 1967 году) вынудили меня обратиться с идеей к тогдашнему молодому первому секретарю Томского областного комитета партии, товарищу Лигачеву с предложением о создании в Томске первого академического института по проблемам оптики. Характерная для Лигачева молниеносная реакция была положительной. Он тут же

2

разыскал в Москве Михаила Алексеевича и договорился с ним, что через 3-4 дня он меня примет здесь, в Новосибирске. Вот эта историческая встреча заложила основы всех последующих мероприятий. Я не буду рассказывать об этой встрече, потому что это требует времени, чтобы рассказывать как следует, но одну фразу назову. Михаил Алексеевич отреагировал на этот визит так: "Создавая Сибирское отделение, мы сильно пограбили Томск, и наступило время рассчитаться с долгами".

В тот же день академик Канторович вместе со мной, как полномочный представитель Новосибирска, по поручению Михаила Алексеевича передал положительное заключение председателя Сибирского отделения Томскому обкому, и дальше развернулась весьма кропотливая и непростая работа, которая завершилась 5 августа 1968 года постановлением Совета Министров СССР о создании в городе Томске первых двух академических институтов: Института химии нефти и Института оптики атмосферы.

Первый институт появился в связи с тем, что тогдашний руководитель Отдела химии профессор Колейчиц заинтересовался идеей поехать в качестве директора химического института в Томск и назвал Институт этим именем. Он потом не приехал, а Институт остался, сегодня существует и работает.

Так вот, фактическая организационная деятельность по созданию академической науки в Томске, следовательно, началась около четверти века назад. А первые конкретные результаты начались после того, как был открыт первый академический институт - Институт оптики атмосферы, - 5 сентября 1969 года. В январе следующего года был открыт Институт химии нефти, а затем на базе Отдела сильноточной электроники, который развивался в

2

недрах Института оптики атмосферы, с лабораторией, о которой просил Геннадий Андреевич Месяц — а он вырос до большого отдела, на базе которого был открыт третий академический институт — Институт сильноточной электроники, 11 лет назад. Тогда профессор Панин (ныне — академик Панин) обратился с просьбой, которая тщательно изучалась: перейти в Институт оптики атмосферы с маленьким десантом, для того, чтобы организовать еще одно новое научное направление в Томске в академическом плане. Этот десант состоялся. Из десяти человек за 6 лет пребывания в составе Института он вырос до 100 человек (то есть, в 10 раз увеличился), и затем последовал Институт физики прочности и материаловедения, который сегодня растет как на дрожжах, поскольку сегодня у него уже 400 человек — то есть, в 40 раз выросла численность этого института.

Волею за открытием этого института последовало открытие Республиканского инженерно-технического центра при Институте физики прочности и материаловедения. Вместе с институтом сегодня это уже под тысячу человек. Причем, это все происходило в буквально последние десять — пять лет.

Я забыл сказать еще о принципиально важном. Вскоре после создания Института оптики атмосферы при решительной поддержке Михаила Алексеевича Лаврентьева нам удалось начать формировать СКБ "Оптика", ориентированное, главным образом, на проблемы оптики атмосферы и, частично, на проблемы той лаборатории, а затем отдела, которые были связаны с проблемой сильноточной электроники.

При активной поддержке товарища Лигачева, — сегодня не популярно говорить такие слова, но истина важнее, — нам удалось

решить принципиальный вопрос об открытии академических институтов в Томске, рядом с уже Новосибирским центром, получившим мировую известность, при противодействии как в Томске, как в Новосибирске, так и в Москве.

Досрочно, в конце 8-й пятилетки (точнее, в 70-м году) уже были проведены изыскания, сформирована проектная документация на лабораторный корпус Института оптики атмосферы и экспериментальные мастерские. И с начала 1971 года началось строительство. Чем это строительство завершилось к настоящему времени? К сожалению, с задних рядов трудно читать (это наша ошибка), поэтому я прочитаю быстро.

Вот на этом первом плакате мы имеем объекты жилья и соцкультбыта за 1971-89 годы (я отчитываюсь официально, за последнюю пятилетку, поэтому последние годы сюда не вошли). 15 жилых домов, 1996 квартир. 3 общежития. Количество мест 1725. 2 детских комбината (600 мест), школа на 1170 человек; магазины "Промышленные товары", "Продовольственные товары", кафе, столовая на 550 посадочных мест; поликлиника на 375 посещений; АТС с почтой и междугородним телефоном и телеграфом и сберкассой; Дом ученых.

По науке. Вот здесь приведены основные стройки - только за счет государственных капитальных вложений, которые получены институтами через наш Отдел капитального строительства. Институт оптики атмосферы (ныне 881 человек без совместителей, хотя два года назад было 1050 человек без совместителей - то есть, по крайней мере 150 человек мы потеряли за последние 2 года; правда, этой потерей мы улучшили состояние дел): общее количество площадей (я буду огрублять) - 14,2 тыс. м³ (на человека - 16). Институт химии нефти - 390 (21,4 кв. м на человека).

Институт сильноточной электроники: 395 человек, площадью 10,5 тысяч округленно (26,5 кв.м на человека). Институт физики прочности и материаловедения: 401 человек, 2038 кв.м — получается 5 кв.м на человека, плюс они имеют еще по 5 кв. м, которые они получили в объединенном здании — то есть, реально у них 10 кв.м на человека сегодня.

Замечу, что сегодня для этого института ведется одновременно два крупных строительных объекта: один с вводом в конце этого года — главный корпус Института с площадью в 2 раза больше этой. То есть, только он добавит еще 10 кв.м на человека к концу этого года.

СКБ "Оптика": строится только последние 10 лет. До этого собственных площадей не имело. Но строится умело и активно. 700 человек без совместителей имеют 29,7 кв.м, — 32,7 метра на человека. Я должен сделать одно замечание. Сегодня СКБ у нас, в связи с известной всем конверсионной ситуацией, нашло в конечном счете за эти два года неплохой выход из положения, перейдя на мелкосерийное производство очень нужной продукции. В частности, в прошлом году СКБ "Оптика" выпустило серийно 20 штук газоанализаторов по 50 тысяч каждый. В этом году оно планирует уже выпустить 40 или 50 таких газоанализаторов. Ну, а серийность — это уже элемент промышленного производства.

Таким образом, площади есть, но не за счет кап.вложений Сибирского отделения.

СКБ ЭИМ — сотня человек. Пока находится на площадях Института сильноточной электроники. Если два НТК вместе сложить, — НТК Института оптики атмосферы И518, около 37 тысяч площади, и в среднем 24,3 метра кв.на человека; НТК Института сильно-

точной электроники: 500 - 10,5 и 20,7 кв.м на человека.

Я не совсем понимаю, как, если там 109 человек останется, СКБ будет использовать строящиеся площади - потому что речь идет о больших площадях двух корпусов, которые будут построены в этой пятилетке.

Как видите, все учреждения, которых не было десять, а то и пять-шесть лет назад, сегодня не так уж плохо обеспечены производственными площадями.

Планы выполнения в целом. Тут я уже перехожу к отчету по последней пятилетке. Планы выполнения в целом: 1986 год - я не буду читать цифры. Это план УКСа, то есть деньги УКСа; это подряд - то есть, то, что строители приняли после соответствующей борьбы. Это факт: процент выполнения по УКСу и процент выполнения по сельстрою. Я прочитаю всего две цифры. В целом по пятилетке: деньги по УКСу использованы в целом на 103 %, а план подряда выполнен на 114 % в целом по пятилетке.

Что мы ввели за эту пятилетку? Два жилых дома с общим количеством квартир 273. Одно общежитие на 688 мест - это второе общежитие, в котором, кроме прочего, 48 однокомнатных и 48 двухкомнатных квартир, малогабаритных благоустроенных. Это новый проект. Гостиничный комплекс на 200 человек. Магазин "Оптика", магазин "Овощи, фрукты", "Книга", аптека второй категории - кстати, третья на территории Томской области такого сорта аптека. Библиотека на 150 тысяч томов и спортивный зал.

Ну, а теперь я хотел бы показать слайды традиционные. Я покажу лишь те слайды, которые интегрируют объекты, введенные в отчетный период - то есть, за последние 5 лет.

Это корпус микроэлектроники СКБ "Оптика". Дальше. Это пристройка к корпусу Института сильноточной электроники, центральная часть и вот это крыло. (Дальше). Это корпус-блок

электродинамических установок Института сильноточной электроники, где сейчас реально, физически размещается СКБ Электроники больших мощностей. (Дальше.) Это корпус не наш, но здесь половина площадей... только маленькая его часть представлена. За ней идут два больших модуля "канск". Это совместный корпус Республиканского инженерно-оптического центра и Института физики прочности и материаловедения. (Дальше.) Таким он стал за счет средств Совета Министров РСФСР.

Это средняя часть большого жилого дома. Я взял только начало, поскольку дом этот никаким широкоугольником не возьмешь. Начало я взял, потому что здесь представлена вот эта самая аптека с этой стороны, и вот здесь начинается и туда далеко уходит библиотека. (Пожалуйста, следующий).

Это вот красивый дом, с еще более красивым овощным магазином. Народ окрестил этот дом "Красной шапочкой". (Пожалуйста, дальше.) Это сам овощной магазин. Ну, на счет овощей и фруктов там не густо, но и не пусто. Довольно изворотливые специалисты подбрасывают туда фрукты по договорным ценам. (Пожалуйста, дальше.)

В эту же пятилетку мы построили... Вот это корпус общежития, который раньше существовал; блоки - это те квартиры, о которых я говорил, а центральная часть - это все то же самое, только без кухонь. И вот этот блок и новый спортивный зал, соединяющий два общежития, построены в этом году. И вот еще мы посмотрим отдельно следующий слайд: это спортивный зал. Мы имеем еще один спортивный зал в школе - великолепный, но он все-таки школьный, а здесь уже спортивный зал хороший, красивый, не только снаружи, но и изнутри, который хорошо используется.

Ну и, наконец, последний объект, на котором надо остановиться особо — это летний вид нашего по титулу аспирантского общежития, а по факту мини-конгрессцентра, включающего ижлой комплекс (вот тут начало жилого корпуса, а сам корпус уходит туда). Это витражи, ограничивающие зимний сад — я один слайд покажу. Это просторный конференц-зал. Это ресторан, и тут еще на двух уровнях фойе. (Пожалуйста, следующий.) Это зимний сад, который можно посмотреть с любой из четырех сторон на всех восьми этажах с соответствующих балконов — 12х12 метров.

И последний слайд — это тот же конгресс-центр под названием Рубин, только снятый неделю назад, для того, чтобы доказать, что он пока существует и не изменил своего внешнего вида.

По этому объекту мне хотелось бы сказать еще несколько фраз. По нормативам строительство подобного объекта, включая изыскания, технический проект, рабочую документацию и строительство, требует в лучшем случае 6 лет. Нам удалось это все сделать коллективными усилиями, в с наиболее максимальным вкладом Института оптики атмосферы и СКБ "Оптика", все эти объемы за 2 года. При этом мы сегодня имеем в части этого корпуса утвержденный литер "Б", соответствующие нормативам оплаты наших маляров.

Томск, не без нашего активного участия, недавно открыт для иностранцев. И мы надеемся, что уже с февраля месяца они начнут поступать к нам через "Интурист", через Новосибирск. Естественно, плата будет по нормативам "Интуриста", и, естественно, в валюте. И это, при тяжелейших финансовых условиях, в которых сегодня находится Центр, — мы надеемся, что это будет приличный источник нашего выживания.

Спасибо.

Итак, я осветил основные аспекты своего отчета и в целом за четверть века, и более подробно за последние 5 лет. Осталось только подчеркнуть одно уникальное для Сибирского отделения обстоятельство, которое связано с моей персоной - а именно, то обстоятельство, что мне удалось с основания сделать академгородок, создать научный центр, который сегодня, по крайней мере по социальным аспектам (я не имею просто времени останавливаться на каждом из этих социальных объектов, в особенности таких, как школа, поликлиника, наш клуб "Кибальчиш" и так далее)... Вот вторых, по признанию председателя нашего Отделения, высказанному некоторое время назад в Томске, Томск сегодня бесспорно лидирует и в обеспечении фундаментальной науки конструкторско-технологической и экспериментально-производственной базой, я бы так сказал. У нас сегодня на 4 института (пятый институт я пока в расчет не беру, поскольку он пока существует только на бумаге) два СКБ, одно - крупнейшее в Сибирском отделении, един-единственный в Сибирском отделении Республиканский научно-технический центр. И, наконец, четвертый институт у нас год назад получили уникальный корпус модельных установок. Таким образом, вся наша фундаментальная академическая наука сегодня обеспечена великолепной материальной базой, - в части собственных производственных площадей и уникального оборудования и в части конструкторско-технологических и экспериментально-производственных подразделений.

Ну, и в заключение я верхожу к проблеме, которая связана с окончанием моего очередного срока пребывания на этом посту. Я эту проблему постараюсь изложить без каких-либо ком-

ментариев, а только фактическую сторону.

Фактическая сторона такая. В понедельник на прошлой неделе Валентин Афанасьевич позвонил мне и сообщил, что у него на приеме побывали три директора нашего Центра — академик Панин, член-корреспондент Бугаев и профессор Воробьев нового Института, который Президиум Сибирского отделения недавно утверждал (Института экологии и природных комплексов), и поставили ультиматум: если Зуев на очередной срок останется, то эти институты из Томского научного центра будут выходить. Точнее, выйдут. И дальше Валентин Афанасьевич сказал, что надо провести заседание Президиума.

Такое заседание проводилось в два приема: в понедельник вечером в тот же день и затем было продолжено в среду, примерно часа в 3, на той же неделе. Выступили, по крайней мере по одному разу, все присутствовавшие члены Президиума. На первом заседании было 10 членов Президиума, отсутствовали Екатерина Егоровна по болезни, на втором она была, доктор Чичинин, руководитель Отдела экспериментальных геофизических исследований Института геологии и геофизики (на втором он был) и затем еще руководитель лаборатории бонитировки почв, которая теперь уже входит в состав Института экологии и природных комплексов, доктор наук Владимир Васильевич Хмелев. Отсутствовали два человека: здесь присутствующий сейчас директор РИНТца, Цинкин Владимир Филиппович, и ученый секретарь Валентина Ивановна Щеголева, которая до сих пор больна.

Какое решение мы приняли в итоге? Вернее, не решение приняли, а какие предложения поступили? Сами предложения мы не считали возможным активно обсуждать.

Предложения были такие. В сложившейся ситуации я принял решение, по крайней мере в обсуждении на Президиуме у нас, не снимать свою кандидатуру. Через минуту я скажу, почему я принял такое решение. А затем я скажу, какое я предлагаю финальное решение, уже для рассмотрения на Президиуме.

Екатерина Егоровна выдвинула кандидатуру моего нынешнего заместителя Владимира Алексеевича Крутикова, и были выдвинуты также кандидатуры, мягко выразимся, оппозиции — то есть, кандидатуры академика Панина, члена-корреспондента Бугаева и профессора Воробьева.

Таким образом, сегодня от имени нашего Президиума — кандидатуры эти мы не обсуждали, мы не считали вправе этого делать, в Уставе это не предусмотрено.

Ну, а теперь я хотел лишь добавить, прежде, чем выскажу заключительное предложение, что этой процедуре (так скажем) — к ней был активно привлечен Томский областной комитет партии, поскольку указанные три директора Института побывали и у первого секретаря Томского областного комитета партии, товарища Поморова Ивана Адриановича. Он официально дал поручение первому секретарю Советского районного комитета партии подробно познакомиться в беседах с председателем центра и директорами всех институтов, чтобы каждый имел возможность высказать свои претензии. Его здесь нет, но зато здесь присутствует заведующий идеологическим отделом Обкома партии, и я полагаю, что он официально командирован первым секретарем Обкома.

Я бы только хотел одно обстоятельство подчеркнуть, не комментируя его. Все эти действия были совершены без какой-либо информации ни Председателя Центра, ни членов Президиума

12
Центра, ни самого Президиума.

Ну и, наконец, я перехожу к тому, как я себе представляю, дальше должен жить Томский научный центр. Ситуация сегодня настолько драматична в стране, в Сибирском отделении, и не менее драматична в Томском научном центре — притом к этой драматичной ситуации я отнюдь не причисляю того, о чем шла речь, это мелочь по сравнению с тем, в какой ситуации мы сейчас находимся. Я мог бы привести массу примеров, когда в условиях развала экономики, в условиях где-то политизации, а где-то деполитизации, где-то конверсии и так далее, в условиях вакханалии суверинететов, вплоть до сельских советов не успеваешь отбивать очередны наскоки с разных сторон.

Я вчера показывал председателю Отделения свежее решение Областного совета народных депутатов — оно у меня в папке лежит. В этом решении принимается экстравагантная мера дополнительного повышения оплаты на тепло и электрическую энергию, в особенности на тепло, для промышленных предприятий и приравненных к ним — с коэффициентом 2,15. Причем, надо иметь в виду, что это сверх тех наценок, которые мы из государственных органов уже имели и заложили в смету. Где-то примерно на 2/3 Сибирское отделение нам пообещало скомпенсировать эту разницу. То есть, вместо 1 млн.350 примерно, миллион само Сибирское отделение нам обещало скомпенсировать. Но теперь ставит нас Облисполком — нас, академические институты, спокойно приравнивает к промышленным предприятиям и ставит нам тот же самый коэффициент, 2,15.

Ну вот, теперь представьте себе: 1,3 млн. — за счет удорожания, будем считать законного, государственного. Теперь еще

12

надо умножить на 2,15, и мы получим теперь уже около 4 миллионов. Только на тепло!

Я не буду приводить других примеров. Теперь представьте себе, что сегодня одна за другой будут такие акции. Что мы будем делать? По каждой акции собирать Президиум и устраивать дискуссии? Нужна оперативная, авторитетная, железная работа. Это с одной стороны. У людей может сложиться впечатление, что я любой ценой собираюсь остаться на этом посту. Нет, дорогие товарищи. Я давно уже для себя решил: хватит для меня, в особенности в условиях систематической, активной, беспредметной, если называть вещи своими именами, травли на заседаниях Президиума. Делать это благородное, но неблагодарное дело я больше не хочу.

Но, с другой стороны, я не имею права бросить сегодня Центр и писать заявление об уходе с завтрашнего дня. Кстати, срок мой еще не кончен, он кончается в марте. Так вот, не имею я на это права. А с другой стороны, я хочу как можно быстрее уйти. Но уйти при условиях, когда я буду уверен, что Томск, Томский научный центр будет дальше развиваться, по крайней мере, если не без положительной, то зотя бы с нулевой производной, и ни в коем случае не с отрицательной производной.

Мой анализ этой ситуации три года назад меня привел к кандидатуре хорошо мной проверенного человека, Владимира Алексеевича Крутикова.

Так вот, мои в связи с этим предложения такие. Я понимаю: одно дело в Омском центре утверждается руководителем кандидат наук, но в Томском центре, видимо, это несерьезная

постановка. Более того, я бы сейчас отдал ему, если бы Президиум Сибирского отделения согласился с этой кандидатурой и провел эту кандидатуру на собрании. Но Я боюсь, что в подобной ситуации он доктором так и не станет.

Поэтому мое предложение сводится к тому, чтобы отодвинуть выборы председателя Томского научного центра на I год. При этом, если мне (именно мне) удастся в эту тяжелую ситуацию довести состояние дел в Центре до какого-либо более-менее надежного равновесия (а это все надо делать в течение ближайших I-2, 3 месяцев), когда утрясется бюджет, утрясутся все возможные программы, конкурсы, договора и станет ясна ситуация более-менее на I99I год, можно мне дать некоторую передышку.

Так вот, ему нужен максимум месяц. Но полностью уйти от этой колготной и неблагодарной работы. Этот месяц ему можно дать только через месяц. Сейчас нельзя, потому что неделю назад я был вынужден сменить не справившегося с работой заместителя по общим вопросам и заместить новым человеком - молодым человек, вроде бы интересным кан-ди атом, но еще не вошедшим в курс дел. Сейчас к тому же болеет ученый секретарь - давно болеет. Надо срочно заменять. Есть уже кандидатура. Придет этот человек, он ученым секретарем не работал в подобной ситуации, хотя уверен, это великолепный секретарь. Опять надо месяц, чтобы пестовать и того, и другого. А вот через месяц, я думаю, что если мы на месяц ему дадим отпуск, еще через месяц он защитит докторскую диссертацию, поскольку диссертацию он будет защищать в нашем Ученом Совете, в нашем Институте. Это все в наших руках.

Диссертация блестящая, она докладывалась три года назад и не вызывает никаких сомнений, даже если ничего не добавь из того, что сделано за эти три года.

А через год обычным порядком провести на альтернативных основах, если потребуется, голосование. Ну и, наконец, я готов как только, например, он защитит и ситуация более-менее прояснится, написать досрочно о сложении исполнения обязанностей председателя.

Спасибо за внимание.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Спасибо, Владимир Евсеевич. Какие вопросы к Владимиру Евсеевичу?

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Насчет докторской не очень понятно. Три года назад она была готова, и что - не нашлось с тех пор ни месяца, чтобы ее защитить?

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Не нашлось, представьте себе. Буквально не нашлось. Это началась конверсия. Вы понимаете - миллион в год, а потом перейти на сто и пятьдесят тысяч! Все поездки к заказчиком, и в Москву, и куда угодно.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Давайте сейчас вопросы по отчету. А потом мы уже будем обсуждать варианты с выборами возможного председателя. По пятилетнему отчету Владимира Евсеевича есть какие-то вопросы?

акад.Н.Л.ДОБРЕЦОВ -

У меня вопрос в отношении РИЦа. Насколько я знаю, он вышел практически полностью из-под влияния Института, его создавшего, а также Сибирского отделения. В чем тут дело, и каковы уроки из этого?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Хороший вопрос. Дело в том, что с первого дня существования начались страшные конфликты между директором ФИТЦа, Владимиром Филипповичем Пинкиным, и тогда еще членом-корреспондентом Академии наук, а впоследствии академиком Виктором Евгеньевичем Паниным. Я очень много усилий приложил к тому, чтобы этот конфликт по-джентльменски завершить, и вместе с Паниным мы ходили к первому секретарю Обкома, и назначалась комиссия. И я их двоих неоднократно собирал. Они здесь присутствуют. Но тем не менее, ситуация не изменилась.

Я лично обвиняю трех людей в этом: их двоих и самого себя. Мне все-таки не удалось довести это дело до конца. Комиссия, которая была назначена высшим органом тогдашней власти, спустила на тормозах этот вопрос. Фактически, надо было идти с войной на первого секретаря Обкома. Я не пошел туда не потому, что я боялся этого. Просто жалко было тратить на это время.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Еще вопросы? Нет больше вопросов по отчету? Так, хорошо. Владимир Евсеевич, присаживайтесь, спасибо. Я тогда несколько слов скажу, а потом посоветуемся.

Ну, я думаю, что по тому, что касается развития центра, по строительству его, по комплексности развития всей социальной сферы, по расширению возможностей конструкторской и опытно-производственной базы и формированию всего облика центра - заслуги Владимира Евсеевича здесь бесспорны. Мы уже привыкли слушать на всех годовых отчетных собраниях информацию Владимира Евсеевича о том, что планы там всегда выполнялись и выполняются, как правило, перевыполняются, и Центр в общем растет и хорошо.

Поэтому, в этом аспекте, я думаю, ничего, кроме благодарности в адрес Владимира Евсеевича, как человека, который, собственно, явился основателем и ведущим формированием этого центра, сказано быть не может.

Проблемы, которые сейчас обострились — они не сегодняшнего дня, они существовали. Они в основном сводятся к вопросу о степени коллективности руководства в Томском научном центре. Вот это тот вопрос, который попытаемся и который приходилось рассматривать уже в бытность мою председателем. Я не совсем понимаю, о какой травле на заседаниях Президиума Владимир Евсеевич говорит, но мне лично приходилось очень много участвовать в разбирательствах конфликтных ситуаций, возникавших... ну, еще я не был председателем — в связи с Институтом химии нефти по Кряжеву, по Месяцу, по Большакову, уж в бытность мою председателем, по другим вопросам взаимодействия интересов строительства.

Вот это узловой момент, где противоречия накапливались, накалялись и сейчас очень сильно обострились. Но прежде, чем обсуждать эту часть аспекта и связанные с ней предложения альтернативного характера — хотя, казалось бы, столько Владимир Евсеевич сделал и мы все ему бесспорно благодарны и будем благодарны, казалось бы, что еще надо? Он хороший хозяин Академгородка. Но вот возникла такая коллизийная ситуация.

Прежде, чем приступать к ее обсуждению, должен вас информировать, что вносились два предложения. Первое — предложение обсуждать вопрос по кандидатурам на закрытой части Президиума. И второе предложение — на открытой части Президиума.

Владимир Евсеевич, в частности, считает, что надо на открытой части Президиума. Но здесь я должен спросить мнение членов Президиума. Как они считают.

Мы должны, поскольку срок полномочий у Владимира Евсеевича и Николая Алексеевича Логачева еще кончается, вынести на Общее собрание наши рекомендации по кандидатурам. Это по Уставу положено, ну, и даже если бы Устава не было, Общее собрание не поймет, если мы сами не разберемся в ситуации.

акад. Л. В. ОБСЯННИКОВ -

Ну, а сейчас на открытом заседании поступило от Владимира Евсеевича предложение продлить ему срок полномочий на год. Это в компетенции Президиума. Если мы это решение примем, тогда - всё.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Для того, чтобы его принять, надо обсудить ситуацию, выслушать все стороны. А это так или иначе коснется, вообще говоря, вопроса о том, почему возникли претензии, почему сложилась такая ситуация и как нам в этом случае быть: идти на такой вариант или рассматривать те кандидатуры, которые сегодня Президиумом вынесены на рассмотрение.

Мы же не можем сказать: уважаемый товарищ Президиум Томского научного центра, вы там обсуждали, а мы сегодня взяли и, не рассматривая ваших аргументов, решений, решили вот так. В любом случае, мы должны выслушать.

Здесь есть члены Президиума, Сергей Дмитриевич - представитель Обксма, и если есть, от Облсовпрофа кто-то. И директора - руководители институтов и отделов., очевидно, от

акад.Л.В.ОВСЯНИКОВ -

Мне кажется, когда мы обсуждаем доклад, никакой тайности не надо. Когда мы перейдем к вопросу о председателе Центра, тогда нужно тайное.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Хорошо, я спросил, по докладу какие вопросы. Прежде, чем - а выступления, естественно, дальше перейдут в обсуждение. Поэтому, пожалуйста. Я предупреждаю: мы сейчас можем обсудить некую часть доклада, но я хочу понять, как считают члены Президиума целесообразным вести дальнейшее обсуждение.

акад.В.Е.ЗВЕВ -

Есть предложение продолжать вести открыто, а если у кого-то из членов Президиума появится предложение вести закрыто, то Президиум снова вернется к этому вопросу.

акад.В.А.КОПТЮГ -

У кого еще? Тогда принимаем это предложение и движемся дальше. Теперь, по отчету за пятилетний срок (ну и, пожалуйста, общую оценку руководства центром) - выступления теперь уже. Может быть, хочет еще кто-то выступить. Члены Президиума, присутствующие - пожалуйста. Виктор Евгеньевич Панин.

акад.В.Е.ПАНИН -

Авторитет Владимира Евсеевича в Сибирском отделении настолько известен, настолько высок и настолько общепризнан, что я думаю, сегодняшний доклад наглядно проиллюстрировал талант организатора, строителя, лидера. И здесь, думаю; все выступающие будут единодушны.

Но в Томском научном центре почему-то сложилась сегодня ситуация, что директора требуют смены председателя. Оказалось,

что есть вторая сторона медали — человеческие качества, которая сегодня сформировала тяжелейшую атмосферу, в которой дальше жить становится невозможно.

Это возникло не случайно. С самого начала формирования Томского научного центра в этом Центре шла борьба. Первые два института — в Институте химии нефти сменяется директор Шестаковский, затем сменяется Кряжев. Затем появляется следующий институт Месяца. Возникает острейшая схватка, которая сопровождается драматическими событиями. Потом Месяц уезжает. Нам говорят, что это — прохиндей, поэтому с ним надо бороться. А теперь это вице-президент, руководитель Уральского отделения, с высочайшим авторитетом, о котором дают самую высокую оценку ученые Сибирского отделения.

А борьба в Томском центре с отъездом Месяца не утихла, а продолжается. Дальше она была перенесена на Большакова. Завершилась она трагически. Появилась первая статья корреспондента Фефелова, который находится в штате Института оптики атмосферы. Большаков попал в кардиологический центр. Затем появляется вторая статья Фефелова, — и Большаков скончался в тот же день.

Сейчас в такой ситуации оказался еще один директор Института — Панин, который до снятия Большакова был самым активным союзником и сподвижником академика Зуева. Я преклонялся перед этим человеком, я его обожествлял. Но сегодня я уже думаю, как избежать участи Большакова. И это не только мое личное мнение. Когда уезжал Егор Кузьмич Лигачев из Томска, он собрал всех и сказал: товарищи, прекратите эту борьбу в Томском научном центре. Победителей в этой борьбе не будет. Этой рекомендации мудрейшей Егора Кузьмича не последовали.

Вслед за этим, уже при новом секретаре Обкома партии, Мельникове, на секретариате ставился вопрос об очень тяжелой морально-психологической ситуации в Томском научном центре. Приглашались все директора, руководители парткома. Там снова ставился вопрос о нетерпимости этого положения, и Мельников уже ставил вопрос о замене председателя Центра. Но Мельникова перевели в ЦК, пришел вновь новый секретарь, и председатель остался.

Сегодня ситуация снова резко обострилась. И ставится вопрос о том, что дальше мы жить так не можем. У нас не борьба за власть. У нас борьба за демократические основы управления, но с существующим председателем этого сделать невозможно. Это мы уже убедились.

Валентин Афанасьевич Коптюг неоднократно предлагал создать бюро на Президиуме и коллективно руководить бюро. Но это безнадежное дело, потому что председатель игнорирует любое мнение любого директора института. Общая численность НТК Оптики атмосферы порядка 60 % от численности всего Центра, поэтому большинство в Президиуме - НТК "Оптика", большинство в парткоме - НТК "Оптика", большинство в комитете профсоюза - НТК "Оптика". Поэтому большинством всегда проводится мнение председателя, и изменить эту ситуацию невозможно.

Сегодня так, грубо говоря, Томский научный центр - это вотчина председателя, где он решает все вопросы единолично, ни с кем не считаясь, хотя существует Президиум, существует бюро. И я могу привести много примеров такого метода руководства.

Ну, самые последние два примера. Бюро собралось, решали вопросы по автотранспорту. Председатель все перекрестил, все

наши рекомендации, сказал: вот я даю поручение директору автобазы, он мне подготовит. И все было замотано, но никакого решения не было принято. Зачем собирать такое бюро, если оно не может принимать каких-то рабочих и действенных решений?

Постоянные унижения человеческого достоинства руководителей, которые имеют отличное от председателя мнение. Ну, с этим еще можно было мириться в те времена административного руководства, когда понимал, что сверху давят и ничего не возможно изменить. Но в наше-то время это уже становится невозможно! Сколько председатель избивал на каждом Президиуме Большакова! Я лично себя считаю частично виновным в его смерти, потому что я сидел, слушал эти жесткие обвинения, эти оскорбления в адрес Большакова и молчал. По-видимому, я трус, что я во-время не среагировал, не защитил, а потом уже оказалось поздно.

Теперь меня возят носом по земле на каждом Президиуме: о том, что меня сделал председатель членом-корреспондентом, о том, что я - неблагодарный человек. Мне сделали подарок - корпус (я его покажу, этот корпус, на слайде), мне создали все условия, а вот я неблагодарный и выступаю. Я до смерти Большакова защищал только Зуева. Я выступал по его просьбе и против Месяца, и против Большакова. Я искренне его защищал. Сегодня этого делать не могу.

Ну и, наконец, для достижения поставленных целей сегодня используются недостойные средства. Это сегодня уже просто - вызывает ну неуважение и недоверие к председателю. Когда я приходил к Владимиру Евсеевичу с вопросом об открытии нашего нового отдела... В 1977 году Месяц построил корпус, и Владимир

Евсеевич мне тут же предложил: давай, открывай отдел в Оптике атмосферы, я тебя помещу в корпус Месяца. Как я помещусь в корпус Месяца, если я его не строил? Я не могу, я отказался от отдела, но я не пошел в корпус Месяца. Мне такие методы непонятны.

Вот у нас конфликты с Владимиром Филлиповичем Пинкиным. Я обращался многократно за помощью к Владимиру Евсеевичу, но я помощи не получил. А вот проходило партийное собрание Центра. Владимир Евсеевич меня приглашает и говорит: организуй выступление против Пинкина. И мы организуем такое выступление. Выступаю не я, выступает мой заместитель, а вслед за этим в областной газете "Красное Знамя" появляется репортаж от том, как дерутся два директора, и в итоге я оказываюсь в дурацком положении. Мне это все непонятно.

Непонятно, зачем меня инициировать на такие выступления, вместо того, чтобы поддержать по существу. Я могу привести целый список таких недостойных мер, которые сегодня лишают председателя доверия.

Да, действительно, у Владимира Евсеевича талант строителя. То, что он делал, это — подвиг. И он по достоинству получил звезду Героя соцтруда. Я сам, как зам.директора Института оптики и зам.председателя много делал для того, чтобы эти документы на Звезду Героя сработали.

Но вот я сейчас вслед за слайдами дворцов покажу слайд того, где живет сейчас наш Институт. Это не просто 2 тысячи метров, о которых здесь говорится. Вы посмотрите, в каких условиях живет Институт. Там первый слайд — это повторение таблицы, его можно пропустить. Первый корпус, который мы сделали —

это были теплые склады Томского центра. Негде было разместиться. Я увидел теплый склад с плоской крышей, и возникла блестящая идея: осваивать крыши. Мы построили – вот, внизу теплый склад, а вверху на теплой крыше построен наш первый корпус. Этот корпус я строил полностью сам, мы его называем курятником. Сейчас там расположены подразделения трех отделов, там работает 4 доктора наук. Сюда приехала к нам польская делегация – теоретиков. Я вынужден был принимать поляков вот на этом чердаке. (Следующий слайд, пожалуйста.)

Это вот тот корпус, который представлен в таблице, на 2000 кв.м. Он был построен как корпус коммунальных служб. Я благодарен Владимиру Евсеевичу за то, что он помог в тот период обойти трудности, и мы вне плана по науке построили этот корпус на 2000 кв.м. Сегодня в этом корпусе мы принимаем представителей Штатов, Японии, ФРГ, Англии... У нас открыт сейчас международный полис. Но я не могу в этом сарае принимать зарубежных ученых. А сдвинуть строительство там, наверху, где дворцы, мне не удастся уже многие годы. (Следующий слайд, пожалуйста.)

Это вот корпус РИТЦа. Мы строили его вместе с Владимиром Филипповичем Пинкиным. Я здесь имею 2000 кв.м, но они записаны мне по аренде, поэтому в собственную площадь не входят. (Следующий слайд, пожалуйста.)

Это вот я строю корпус порошковой металлургии. Он к ОКСу Томского центра никакого отношения не имеет. Этот корпус строится по линии МНКТ порошковой металлургии. Мы сегодня здесь освоили уже 700 тысяч рублей, и вот этот инженерный блок будет введен до конца этого года. Но к этому корпусу председатель Центра никакого отношения не имеет.

акад. В. А. КОПТЮГ -

А на какой площадке?

акад. В. Е. ПАНИН -

Это напротив моего института, через дорогу. Здесь был раньше барак строителей. Вообще, сегодня Институт размещен ниже автобазы. Поэтому когда в автобазе моют машины, все это льется прямо сюда. Но пока нашему Институту лучшего места не нашлось в Научном центре. Наш коллектив смотрит ходит на эти мраморные дворцы с теплыми садами, как на недостижимое будущее. (Следующий слайд, пожалуйста.)

А это вот наверху мы строим основной корпус, главный лабораторный корпус - 1,6 миллиона стоимость, а это очень маленькая цифра. Практически полностью без оборудования. Сейчас строится первый этаж. Этот корпус должен быть по плану введен в I квартале 1990 года. Сегодня 1991-й. В лучшем случае мы введем его в конце 1991-го года, а скорее, вместе с корпусом гражданской обороны, в 1992 году. Эпопея строительства этого корпуса - это хождение по мукам. Председатель на каждом Президиуме заявлял: ну, правильно, этот корпус проваливается, потому что Панин не умеет строить. А я в это время начал строить корпус порошковой металлургии, на 3 года позднее. Я корпус порошковой металлургии введу раньше, чем вот этот корпус, и сегодня выбит козырь у председателя, что Панин не умеет строить. Сегодня все директора Томского научного центра - прекрасные прорабы и умеют строить.

Спасибо.

А не хочу задерживать внимание присутствующих. Отмечу только, что сегодня, в новой обстановке председатель утратил и

авторитет руководителя Центра как такового. Сегодня центр-это совокупность институтов, которые фактически развиваются независимо от председателя (помимо соцкультбнта). Но поскольку на НТК приходится 60 %, то весь соцкультбнт, жилье и так далее он на 60 % работает на НТК оптики атмосферы. Поэтому у меня там всего 7 %, у нашего Института. Поэтому я где-то там на задних ролях.

Председатель говорит о том, что он выгнал заместителя по общим вопросам, поскольку он развалил работу. А где был раньше председатель? Почему он не видел, что работа разваливается и нужно вмешаться? Уволили ученого секретаря. Говорят, что олеет. Да не потому, что болеет, а просто человек уже дальше не работает, не может работать и ушла - ушла в новый институт.

Когда-то центр гремел, как действительно центр.Томска. Сюда привозили всех гостей: министры, председатель Госплана... Сегодня в Центр никого уже не привозят. Сегодня едут ученые в институты. И роль лидера Центра председатель сегодня практически утратил. Хотя его талант строителя, организатора, наверно, на голову выше всех остальных руководителей в Томском научном центре. Это надо признать.

В целом, подводя итоги, что мы дальше так не можем существовать в этой обстановке, на заседании нашего Президиума выдвинули предложение смены председателя, в любом варианте. Я предложил кандидатуру Бугаева Сергея Петровича. Можно обсуждать другие кандидатуры. Я думаю, что все предложенные кандидатуры сегодня достаточно сильные, опытные - не только ученые, но и прорабы-строители. Мы школу хорошую прошли в Томском научном центре, за это спасибо Владимиру Евсеевичу.

Ну, а как поступить? Конечно, решает вопрос Общее собрание, будет рекомендация Президиума Сибирского отделения... Но я только обращаюсь чисто по-человечески к членам Президиума: конечно, авторитет Владимира Евсеевича просто недостижим, и общепризнан. Но, члены Президиума, жить-то нам в Томске! То есть, решение будет принято в Новосибирске, а жить-то нам в Томске. И если останется обстановка еще на пять лет, я думаю, что она будет сопровождаться трагическими событиями. И я прошу просто по-человечески войти в наше положение и помочь нам разрядить эту обстановку.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Биктор Евгеньевич, Вы в своем докладе, особенно в первой части, много раз употребили слово, что была борьба между председателем и директорами. Я бы хотел понять, что составляло предмет этой борьбы, и какие были альтернативные предложения по поводу этого предмета со стороны каждой борющейся стороны?

акад. В. А. КОПТУГ -

Задавайте сразу вопрос.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО --

У меня, собственно говоря, к этому. Насколько я понимаю, по Уставу, все-таки каждый институт в научном центре абсолютно свободен. Что касается финансирования, есть два источника. Это бюджетное, которое мы получаем из Сибирского отделения от Президиума, и хозяйственные, то есть то, что зарабатывают институты. Все строительство идет через УКС Сибирского отделения, и каждый директор выбивает непосредственно.

То есть, я не могу понять: или действительно решает у

вас все эти вопросы Президиум и Председатель никому не дает решать? Или действительно эти вопросы решаются в Президиуме Сибирского отделения, как мне казалось? И в этом случае эти вопросы не рассматриваются и председатель не может корректировать.

Я понимаю, у нас скажем в Институте менее 3 кв.м — тут я апеллирую к Валентину Афанасьевичу, потому что он не хочет строить, как председатель Сибирского отделения и Новосибирского научного центра. Но у вас ведь эти вопросы абсолютно самостоятельны. И объемы по УКСу, и выполнение их, и так далее. Вот я хочу понять, какие тут принципиальные вопросы?

акад. В.Е. ПАНИН —

Эти вопросы мне все очень хорошо понятны. Льву Васильевичу отвечаю. Председатель не терпит инакомыслия. Поэтому, когда появляется новый институт и директор института начинает проявлять самостоятельность, — Шестаковский, Кряжев, Большаков, — только на одном институте, он оказывается негодным председателем, и начинается борьба. Это борьба на каждом Президиуме. В адрес директора высказываются оскорбления, унижения. И заканчивается тем, что директор уходит.

Именно по этому поводу Юрий Кузьмич Лигачев и сказал: прекратите эту борьбу, в ней победителей не будет. А дальше был Месяц, Большаков, Панин и другие.

акад. Л.В. ОВСЯННИКОВ —

Конкретный пример предмета борьбы, и что по этому предмету высказывали борющиеся стороны, можно привести?

акад. В.Е. ПАНИН —

По какому вопросу борются, что ли? Центральный вопрос

по которому идет борьба — это вопросы капитального строительства.

Валентин Афанасьевич выделяет Томскому филиалу, подписывает документы. А потом в Томском научном центре все перераспределяется, все распределяется по-своему. И вот этот мой корпус заматывается уже многие годы, под разными предложениями. Используется любой предлог. Опоздал я на 3 месяца с предложениями по проектированию — тут же используется, чтобы на год корпус выбросить. В это же время по СКБ "Оптика" председатель наш делит корпус на три части, одну треть проталкивает, быстро делает проект и корпус СКБ инженерный начинает строиться раньше, чем наш корпус. Наш корпус снова остается вне. Потом, следующий год вообще никаких причин нет, а корпус не строится. Спрашиваем почему: а вот начальник управления Пронягин не строит.

Я иду в Обком, обращаюсь к секретарю, не первому: не строят, говорят, что Пронягин. Секретарь Обкома приглашает главного инженера, главный инженер говорит: я разберусь, дайте неделю. Он разбирается, потом приходит и говорит: Пронягин здесь не при чем, Ваш корпус полностью в руках вашего председателя. И вот я мотаюсь и мотаюсь, мотаюсь и мотаюсь. Я уже корпус порошковой металлургии, который начал строить на 3 года позднее, закончу, — а там только первый этаж.

Поэтому главное сегодня это распределение ресурсов и капитальное строительство.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ —

Значит, я правильно Вас понял, что Вы претензии предъявляете к Владимиру Евсеевичу в том, что он выделенный Президиумом лимит на капитальное строительство институтов перераспре-

делая, не считаясь с тем главным распределением, которое мы здесь на Президиуме утверждали, по каждому объекту?

акад. В. Е. ПАНИН -

У меня главная претензия по моему объекту. Другие директора скажут за себя. Но я только знаю, сколько строил Месяц хозспособом, сколько строят другие. А третьи вообще не строят и сидят на чердаках. Поэтому ситуация сегодня очень сложная. И главное - я не могу найти понимания и поддержки у председателя. Его устраивает. А почему это происходит? Потому что нужно удержать абсолютное большинство НТК "Оптика" в Томском научном центре.

Если сейчас дать выстроиться нашему Институту, мы выйдем уже быстро на рубеж НТК "Оптика атмосферы". Ну, и остальные институты то же самое. Значит, он теряет большинство. А сегодня все его силы в большинстве.

И вот мне не дают развиваться. Я сижу на чердаках, на крышах, принимаю в этих условиях иностранцев, а мне развиваться не дают, я держусь на уровне 7 %.

чл.-корр. М. Ф. ЗУКОВ -

Виктор Евгеньевич, у Вас же три площадки строительных, которые в этом году закончатся.

акад. В. Е. ПАНИН -

Это сейчас, но я тоже, Михаил Федорович, скоро выхожу на пенсию и не знаю, сумею ли я уже реализовать свои возможности, построив эти корпуса. Мне уже до пенсии осталось немного.

акад. В. А. КОПТЮГ -

К Виктору Евгеньевичу еще вопросы есть?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

У меня есть куча вопросов, но это было бы неприлично. Если можно было бы хотя бы две минуты мне дать немедленно прокомментировать это выступление, я был бы очень признателен.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Пожалуйста. Присаживайтесь, Виктор Евгеньевич.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Я мог бы по каждому конкретному вопросу дать аргументированные доказательства, что это абсолютная ложь. Абсолютная ложь, или передергивание. Вот один пример, чтобы было ясно.

Действительно, по просьбе члена-корреспондента Бугаева в срочном порядке собрали бюро, чтобы разобраться с делами по автотранспорту. Принимаем решение: разобраться с этим делом - речь шла о тарифах. Тарифы новые в 2-2,5 раза выше, чем старые. Я лично разбираюсь в этом, поручаю разобраться высококвалифицированному плановику. Он приносит мне расчеты, я сверяю с тарифами, которые представлены начальником нашего автохозяйства. Разница - в копейках. По этой причине я подписываю пролежавшее у меня на проверке письмо Шурпаеву, что я согласен, как председатель Центра, с этими тарифами.

Я знаю, что ЧСергей Петрович звонил сюда, в Новосибирск. Я знаю ответ. Согласно этому ответу он не должен был бы предъявлять ко мне претензии, но в его коллективе он, тем не менее, этот факт привел. И сейчас этот факт приводится - абсолютно не имеющий никакого основания!

Я просто честно говорю: специально в своем докладе все представил настолько корректно, в расчете на то, что то, что у нас творится там, здесь повторится. То есть, выступления

Панина я слушал на нашем Президиуме. Но одно дело так выступать на нашем Президиуме, где все привыкли к подобного рода выступлениям, другое дело - выступать с этой откровенно провокационной ложью здесь.

Поэтому я готов к тому, чтобы в рабочем порядке, если застенографировано его выступление, потом поручить кому-то разобраться. И я буду отвечать по каждому пункту. Если я где-то сказал ложь (а это не ложь), я готов понести наказание. Но нельзя жить в таких условиях, когда человек беспардонно лжет.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Спасибо, Владимир Евсеевич, но я должен сказать, что все говорят, что нельзя жить в таких условиях. В этом и проблема.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Тогда позвольте мне Вам задать вопрос.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Пожалуйста.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Скажите пожалуйста, почему Вы считали возможным за II лет, как Вы сказали, очень много времени потратить на разбирательства, и почему Вы считали все эти II лет правыми тех, кто Вам жаловался, и ни разу не посчитали возможным по-джентльменски хотя бы раз (лучше бы было в самом начале, когда это все происходило) собрать председателя, собрать директоров, выступить в роли третейского судьи и воздать, кому что положено?

акад.В.А.КОПТЮГ -

Владимир Евсеевич, давайте вспомним. В роли третейского судьи я непрерывно выступаю все эти годы. То в Томске, то здесь, в Новосибирске. Присаживайтесь, пожалуйста."

33

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Ни разу Вы не делали то, о чем я говорил, ни разу! И многократно тратили время на выслушивание этих необоснованных жалоб.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Выслушиваю регулярно все стороны, и скажу, в чем действительно главная проблема была. Откуда накалялись страсти. Страсти накалялись испокон века...

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Как понять? Ни разу меня не слушали. А что, я разве не сторона?

акад. В. А. КОПТЮГ -

Я прошу прощения. В Томске при всех секретарях мы собирались и обсуждали перспективы строительства. Они сюда приезжали с жалобами. Я потом выхожу на Вас, ищу пути решения. То что здесь и говорилось. Мое предложение было: товарищи, ну, неужели же вы в Томском научном центре, директора - основная сила, которая должна принимать решения, не можете добиться следующего: чтобы у Президиума широкого было бюро, состоящее из директоров, и чтобы план капитального строительства принимался только утвержденный этим бюро?

Броде бы начали реализовывать это дело. И опять не получилось.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

А что не получается, Вы скажите мне пожалуйста? Если Вы утверждаете тоже, как Панин, что ничего не получается - скажите пожалуйста, что не получается, конкретно.

34

акад. В. А. КОПТЮГ -

Я говорю конкретно: того, что говорите Вы, и что говорят они - что так жить дальше нельзя.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Это общие слова.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Что "общие слова"?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Общие слова. Вот эта таблица итогов. Неужели Вы всерьез считаете, что если бы я был такой волюнтарист - Вы утвердили план, а я его весь порушил, - то...

акад. В. А. КОПТЮГ -

Владимир Евсеевич, я тоже в строительстве кое-что понимаю.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Если Вы в строительстве понимаете (я в этом не сомневался), тогда тем хуже для Вас. Если логики не получается. Как же мог я в принципе при той ситуации, которую Вы поддерживали, скажем так, - постоянные жалобы! Следовательно, при первой же жалобе должна быть реакция. Я категорически отвергаю все обвинения в мой адрес в том, что я хотя бы где-то использовал свое право... вернее, отсутствие моего права, сверхправо с какого-то объекта, утвержденного Президиумом Сибирского отделения...

Я такой вопрос слышал на коллективе у Панина. Я, кстати, провел четыре встречи за ту неделю, во всех четырех институтах, и я слышал этот вопрос. Пусть хотя бы один пример мне приведут - хотя бы один пример. Те примеры, которые приво-

дил Панин, я могу сейчас же однозначно снять. Они — полная дезинформация. Пусть приведут хотя бы один пример, который бы соответствовал действительности.

акад.В.А.КОПЦКГ —

Владимир Евсеевич, Вы высказались. Я хочу проинформировать членов Президиума о том, как я вижу прошедшие годы развития Томского научного центра. В сумме я уже высказал оценку. Но с точки зрения перераспределения возможностей в интересах всех институтов Томского научного центра, то Президиуму, а точнее — председателю приходилось выслушивать директоров об оказании им помощи. И не без давления председателя продвигались...

Начните с корпуса Большакова. Человек, который держит в руках все, что касается вопросов строительства — а Вы блестящий строитель, у Вас блестящие по этой части помощники, — имеет тысячу и один способ придержать других и даже сбиваться к тому, что называется НТК "Оптика". Вот это было камнем преткновения. И я всегда надеялся на то, все же, что когда мы встречались и в Томске, и здесь — что все же Вы, как председатель, заинтересованы в развитии всего Центра. Это Ваше детище, Вы этому жизнь отдали. Что эти вопросы снимутся, если Вы еще коллективно будете принимать решения.

Но вот мои надежды... по-видимому, я тут чересчур идеалист. Они не увенчались успехом.

акад.В.Е.ЗУЕВ —

Разве эти цифры не говорят об успехах? Посмотрите еще раз: в каком институте сколько квадратных метров сегодня имеется в наличии?

акад.В.А.КОПТЮГ -

Как они смотрят? Они складывают площади Института оптики атмосферы и СКБ "Оптика", делят на общую численность и получают, потом делят свои площади. Панин вот демонстрировал. Естественно, его это удовлетворить не может.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Это я сам сложил - не они сложили, я сам сложил.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Владимир Евсеевич, если бы Ваши соратники по Томскому научному центру не апеллировали к председателю, поверьте - я был бы счастлив, потому что живут, развиваются институты и центры, не теребят президиум, слава богу. Значит, дело идет нормально.

Здесь в конце прошлого года еще был поставлен вопрос, что распределение строительных возможностей, точнее - объектов, которые надлежит строить, утверждать не на Президиуме Томского научного центра, потому что директора свои позиции отстаивать не могут, а на Президиуме Сибирского отделения. Так был поставлен вопрос по существу. Это все отражение тех трудностей, которые имелись. Я констатирую то, что есть.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Вы констатируете то, чего нет.

Валентин Афанасьевич, можно одно замечание сделать? По-видимому, сама атмосфера обсуждения там слишком жесткая и не такая, к какой мы привыкли. Но вот Виктор Евгеньевич здесь, когда предъявлял претензии, сказал такую фразу: ну, подумаешь, на три месяца задержалась документация, и деньги переда-

ли для других. Вы, как занимающийся строительством, хорошо понимаете, что это значит. Если бы эти деньги не были переданы, то план выполнить по научному центру было бы невозможно.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Я все это прекрасно понимаю и знаю и по нашему центру, на сколько задерживается документация и как регулируются вопросы между объектами. Это все известно. Так. Пожалуйста, кто еще хотел бы? Пожалуйста, Сергей Петрович.

чл.-корр.С.П.БУТАЕВ -

У меня предложение. Поскольку мы здесь обсуждаем доклад, по сути дела, то к каждому выступающему просьба высказать замечания, как улучшить. Какие предложения? Как они видят вклад в развитие? Без этого я не представляю...

акад.В.А.КОПТЮГ -

Ну, тут немножко сейчас... я даже не знаю, как расчлениТЬ.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

А мы решали два вопроса. Первый вопрос - это отчет председателя Томского научного центра, и оценка его деятельности за истекший период. Вот, это нормальное состояние вопроса. Сделали оценку? Теперь перейдем ко второму вопросу: о том, что срок полномочий истекает, должны быть перевыборы, переназначение, и так далее. Вот это другой вопрос. А мы перемешали, и поэтому у нас просто базар здесь. Я недоволен этим ведением.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Ну, Вы можете быть недовольны, но разделить-то ведь трудно. По вопросам строительства в целом, я еще раз подчеркиваю, вопросов нет. Все блестяще. В то же время, директора не удовле-

творены. Они высказывают, чем они не удовлетворены. Это ведь тоже имеет отношение к отчетному периоду. Как я разделяю здесь эти вещи?

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ —

Ну, я могу сказать еще одну реплику. Что касается выступления академика Панина, то я разочарован его выступлением, потому что на мою просьбу привести хоть один конкретный пример борьбы, о чем он много раз говорил, он не привел ни одного примера. Поэтому если мы на этом уровне будем сейчас вести разговоры...

Владимир Евсеевич тоже разнервничался, я чувствую. Вы еще пока сохраняете пока олимпийское спокойствие, но тоже уже начинаете... Может быть, не надо этого? Потому что если конкретные есть обвинения, и так далее... а общих не надо.

Вот, между прочим, я должен Вам напомнить, что Институт гидродинамики юрлся с Вами как председателем за то, чтобы нам построили корпус мастерских — не такие вот гигантские, а всего тысячу квадратных метров. Ровно 10 лет. Но мы ведь из этого события не недали, не требовали Вашего свержения. Хотя могли бы...

акад. В. А. КОПТЮГ —

Я бы не возражал. Сергей Петрович, пожалуйста.

чл.-корр. С. П. БУГАЕВ —

Уважаемый Валентин Афанасьевич, уважаемые члены Президиума. Я хотел бы в своем выступлении коснуться трех моментов: о заслугах академика Зуева Владимира Евсеевича, второе — мое понимание причин противостояния в Томском научном центре, и наконец, последний тезис (я разочарую Льва Васильевича) — о

беспощадном отношении председателя к людям в нашем филиале.

Я принадлежу к тем людям, которые безоговорочно признают заслуги академика Зуева в части создания , строительства инфраструктуры Академгородка. Позавчера, выступая у себя в коллективе перед ученым советом и профкомом, где Владимир Евсеевич докладывал результаты своей деятельности за пятилетку, я выразил то же самое мнение и сказал, что по моему разумению та награда высокая, которой был удостоин Владимир Евсеевич Зуев, не напрасна - она по заслугам. И это обстоятельство отрицать, нельзя, это все правильно.

Парадокс состоит в том, что вообще говоря, 5 лет Институт сильноточной электроники имеет достаточно благополучные отношения с председателем. Куда дальше? Мы сдали в 1986 году корпус, мы сдали в 1988 году корпус. И в общем-то не было таких ожесточенных схваток у меня с председателем. Правда, был один минус, который омрачает это обстоятельство: мы потеряли 600 метров СКБ, которые были из-за нашего участия в строительстве СКБ отвоеваны в суровом бою с Месяцем.

И я бы хотел подчеркнуть одно обстоятельство. Я совершенно согласен с Владимиром Евсеевичем в том, что половина заслуг вот этого нашего благополучия , вообще говоря, это заслуга Обкома. И Месяц, который год уже прожил в Свердловске и приехал в Томск, делился со мной: "Ты не представляешь себе, Сергей, я был поражен удивительной разницей в индифферентном отношении Свердловского обкома и в деятельном стремлении помочь постоянно Томского обкома". Поэтому я считаю, что в этом смысле, говоря об этих вещах, мы это обстоятельство должны подчеркивать.

Думаю, что когда секретарь Обкома говорит, что половина заслуг по строительству гостиницы Владимира Евсеевича, а половина его, — я думаю, это тоже надо считать справедливым.

Я отдаю себе отчет, что глазами беспристрастного человека, который ежегодно на годичных собраниях слышит наши грандиозные строительные успехи и демонстрации новых зданий на фоне синего неба — вот эти звуки распри, которые долетают из Томска, кажутся облачком на этом небе, а людей, которые критикуют председателя, по-видимому, считают злопыхателями, которые мешают вести председателю томский научный народ к счастью.

Но, к сожалению, истина состоит в том, что последний Президиум ТНЦ выявил следующее обстоятельство. Кандидатуру председателя на новый срок поддерживают все административные и общественные члены Президиума, принадлежащие у нас к авангардному научному направлению, а что касается остальных научных направлений, то, за исключением Отдел геофизических исследований, объявившего о своем нейтралитете, все вообще склоняется к тому, что, поблагодарив Владимира Евсеевича за его огромный вклад, нужно бы искать какое-то другое решение.

Я хотел бы попытаться ответить на Ваш вопрос, Лев Васильевич, о том, почему все-таки, что это за борьба, какой это механизм. Мне бы в этом деле очень помог слайд. Если можно, его включите, пожалуйста.

Я использую те же данные, которые получены и мною, и председателем от Отдела капитального строительства нашего, Виктора Алексеевича Сидоркина. Здесь приведены данные по затратам по строительно-монтажным работам по основным показателям в создании материально-технической базы научных направлений ТНЦ.

Это сводные данные за IО, II и I2 пятилетки. Это объем освоенных фондов строительно-монтажных работ, подчеркиваю — здесь только строительно-монтажные работы по госкапвложениям в тысячах рублей. И здесь — площади, построенные по этим капвложениям. Повторяю — я ориентируюсь на данные ОКса.

Если мы попытаемся сделать операцию, то мы увидим такую вещь. НТК Оптики атмосферы: 56,4 по сумме денег вложено туда, и 63,8 % площади. (Я подчеркиваю: здесь не входят площади, построенные намихозспособом.) Далее, ИХН имеет 22 % и I4, НТК имеет I7 и I8, ИППМ имеет 2,8 и 3,4 процента, I,I, 0,6 и так далее. План, который сверстан на I2 пятилетку, примерно выглядит следующим образом: объем фондов на строительно-монтажные работы по госкапвложениям в миллионах рублей — это вот такое, это вот эти проценты. В первом случае НТК ОА — 56,4 % по сумме денег и 63,8 % по площадям. То, что есть сейчас. ИХН — 22,5 % и I4 % ...

акад.А.П.ДЕРЕВЯНКО —

Это Вы читали.

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ —

Новое? Сумма на I3 пятилетку: СКБ ОА — 36,3 % и 38,3 % площадей; ИХН — I2 % и II,5 %; ИСЭ — 25 % и 23 %; ИППМ — I6,7% и I6,2 %; Институт природных экологических комплексов I0 % и II %. Спасибо.

акад.А.В.РЖАНОВ —

То есть, по-прежнему продолжается строительство НТК?

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ —

Я ни в коей мере не хочу становиться в прокурорскую позу и кого-то здесь обвинять. Я просто даю информацию для

размышления. Теперь порассуждаем.

Когда директора других институтов начинают заботиться о развитии своей производственной базы, естественно, в силу складывающихся обстоятельств, при стройке они естественным образом конкурируют друг с другом и начинаются трения. Эти трения, к сожалению, у нас на Президиуме, на бюро не решаются. И эти болезни мы наблюдали.

Я не говорю сейчас о тех отношениях, которые были у Месяца. Это тяжелые времена для нашего Института, но это отболело и покрывлось пылью времени. Я не хочу сейчас этого касаться. Я рассматриваю ситуацию сегодняшнюю.

И вот я бы хотел, понимаете, сказать следующее. Вот последнее время у нас, в Томском научном центре, произносится такая фраза, которую начальник СКБ, товарищ Кутелев, произнес на последнем Президиуме. Речь шла о том, что Месяц и Большаков сорвали планы капитального строительства. Речь идет об обращениях Месяца и Большакова к председателю Сибирского отделения о том, чтобы как-то отрегулировать ситуацию. Потому что если бы эта ситуация не была отрегулирована, то наверно гистограмма выглядела бы... скакнула бы процентов до 80.

И вот здесь, когда Лев Васильевич спрашивает, в чем борьба — вот она. За что идет разговор? Вот за это идет разговор, и это квинтэссенция тех противоречий, которые здесь возникают.

Теперь, дальше. Из-за вот этого, будем говорить, насильного вставления в титулы 12 пятилетки объектов, которые мы построили и по которым я взял эстафету от Месяца — это блок исследований и пристройка главного корпуса — вот эти все противоречия и возникают.

Далее, я бы хотел сказать, что более всего неприязнь людей в ТНЦ вызывает осуществление власти уважаемым председателем нашего Научного центра. Вот я человек старый и, наверно, после Владимира Евсеевича, второй, кто с самого основания нашего Научного центра служит. И на моей памяти вот эти двадцать лет масса фактов, которые здесь сейчас можно было бы приводить. Я хочу сказать, что в этом у нас было две эпохи. Первая эпоха — когда власть осуществлялась с помощью парткома, который у нас отличался твердостью, что ли. Достаточно сказать, что в свое время и у Месяца, и у меня были выговора за то, что во-время не запустили каток. Я получил выговор за то, что опоздал на 10 минут на заседание парткома. Но это ерунда, а дело в том, что мы председателем попали в другой окоп, и из-за этого все происходило. Речь шла тогда о защите химиков.

И теперь, сейчас — вторая фаза нашей жизни, которая угнетает нас. В чем дело? Вот сейчас наша демократизация. Естественно, партком эту свою роль потерял, и вроде бы договорились сделать бюро Президиума. Мы все были рады. Это было после трагического события, и все говорили так: хватит, давайте попробуем работать. Стали работать. И вот год, который прошел с этого времени, просто показывает, что бюро Президиума используется как клапан для спуска пара. Вы можете говорить, вы можете выступать, но, к сожалению, председатель с мнением членов бюро Президиума почему-то не считается.

Теперь, очень важный вопрос. Он возникает у людей, сидящих в зале. Ну, хорошо, есть председатель. Все распределяется здесь, в Новосибирске. Ну как он вам может мешать, что вы, ребята говорите такое лишнее?

Понимаете, я тоже хотел бы два слова посвятить этой технологии: как у нас это дело происходит. Ну вот, скажем, есть у нас Отдел капитального строительства. Чрезвычайно опытный, я бы сказал, талантливый человек - Виктор Алексеевич Сидоркин. Когда начинаешь строить, естественно, сталкиваешься с громадным количеством трудностей, которые состоят во взаимоотношениях с проектировщиками, строителями и так далее. И вот там уже заведомо заложены мины и ловушки. И если человеку не показывать: смотри сюда, сюда, иначе ты не пройдешь по этому лабиринту, то директор в любом случае вляпается и в любом случае сядет в луку, понимаете?

Здесь даже не нужно противодействовать: нужно просто индифферентно относиться с одной стороны и помогать, с другой стороны. И мы получим такую ситуацию, которую сегодня имеем. Вот эта технология, которая у нас имеет место сегодня.

И, наконец, последнее. Может быть, и не было бы этого трагичного поворота событий, сегодня этого жесткого противостояния, если бы не судьба Геннадия Федоровича Большакова. Я должен сказать, она всех нас потрясла, и она происходила у всех у нас на глазах. Понимаете, взгляд на эти вещи, я не знаю, как у кого, но у меня сильно расширил мои представления о границах допустимого, о возможном и невозможном.

Представьте себе, пожалуйста, что будет, если на Президиуме, скажем, в присутствии молодых и старых женщин и мужчин, сказать Большакову: вы - нечестный человек, если бы можно было, я бы вас вызвал на дуэль. Это протокольная фраза. Или, еще через некоторое время Панину сказать: вы только благодаря мне стали членом-корреспондентом. Что происходит в это время с

людьми? Происходит общая вещь. У них сначала белеет лицо, потом они начинают дергаться, потом начинают произносить такие слова, которые в нормальном состоянии вообще бы не произнесли, а эти слова вставляются, как лыко в строку, и продолжают дальнейшие обвинения. Это очень тяжелая обстановка, которую трудно перенести.

И еще одно обстоятельство. Понимаете, в последнее время, в нашу эпоху демократизации - газетная война. Здесь Виктор Евгеньевич упоминал... Вот там сидит товарищ Фёфелов, который держит микрофон. Он судился с химиками, по-видимому, будет судиться еще и с нами. Ну, да бог с ним. Понимаете, какая ситуация. Было о Большакове написано две статьи. Что касается второй статьи, дата смерти Геннадия Федоровича совпала с ней - я не буду о ней говорить, не будут становиться ни на сторону тех, кто считает, что она явилась причиной, ни на сторону тех, кто отрицает это. Я не знаю; но вот что касается первой статьи, я заю все.

Дело в том, что эта статья вышла в такой период, когда... Большаков, вообще говоря, критиковался и критиковался по делу. У него были ошибки. Он корректировал свое поведение, исправлялся, но у него нельзя отнять заслуги, что Институт из удручающего положения он поднял до положения, которое стало признаваться всем Сибирским отделением. Нельзя не учитывать это обстоятельство. И вот когда уже, вроде бы, все грозно отгремело, все уже отболело, появляется статья, в которой правда перемешана с полуправдой и совсем неправдой. И все сделано так, что, понимаете, нормальному человеку, прочитав статью, либо в

петлю лезть, либо пулю в лоб пускать.

Ну, я видел Большакова через неделю, как он попал с инфарктом. Я пришел, там была жена. Ну, я спрашиваю — Геннадий Федорович, как? Он говорит: уложило меня. Вот это обстоятельство на глазах у меня развивалось. И потом, понимаете, в результате развития этого трагического события мы имеем то, что имеем. К сожалению, родные Геннадия Федоровича Большакова через меня (потому что я исполнял эту скорбную обязанность) передали председателю настойчивую просьбу на похоронах не присутствовать.

Я хотел бы, понимаете, подчеркнуть (может быть, я слишком эмоционален, но все-таки), что климат в филиале — это вина председателя. Я пять лет проработал директором Института. Оценку мне дадут потом. Но я хочу сказать об одном. Меня в отделе моем стали обвинять, что мы до этого жили в десять раз лучше, потому что и ресурсы шли больше, и все. Я говорю: ребята, я не могу это делать, потому что на меня смотрят другие. Я думаю, по моим взглядам, это норма того, кто держит в руках ресурсы.

К сожалению, это у нас не происходит. Ну и потом, почему я поехал, обратился к Валентину Афанасьевичу? Я бы не хотел быть участником, хотя и пассивным, другой трагедии.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ —

Можно вопрос? У меня вопрос про статью корреспондента. Я не совсем понял, какая связь между руководителем Центра академиком Зуевым и этой статьей. Поясните, пожалуйста.

чл.-корр. С. П. БУТАЕВ —

Лев Васильевич, я объясняю. Потому, что это влияет на

на жизнь научного центра.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Нет, а при чем тут председатель филиала?

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ -

Я не упомянул одного обстоятельства. Товарищ Фефелов работает в штате Института оптики атмосферы. И я видел от него два сорта выступлений: либо об успехах родного института, либо вот такие выступления.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

То есть, это Ваше мнение?

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ -

Конечно.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Но если Вы обвиняете его в том, что он писал неправду, тогда нужно было на него в суд подать. Тем более, в свете таких симптоматических и даже трагических событий.

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ -

Лев Васильевич, спасибо за вопрос. После этой статьи Лучинский, лауреат Ленинской премии и Бугаев написали в газету статью, где они не соглашались с этим. Более того, когда развернулись события, мы тоже пытались противодействовать этому делу.

акад.Л.В.ОВЧИННИКОВ -

Это Ваше мнение, как я понимаю. А Вы драматизируете.

ФЕФЕЛОВ -

Уважаемые товарищи, уважаемый Валентин Афанасьевич. Вы, конечно, не помните, что в свое время Вы своей собственной рукой поставили оценку "отлично" по теоретическим основам орга-

нической химии. Я учился у Вас и очень ценил Ваш ум и порядочность, и мне сейчас больно, когда с помощью клеветы Вас вводят в заблуждение.

Я — человек мирный, поэтому я не буду подавать в суд ни на академика Панина, чтобы сохранить ему перед пенсией доброе имя, ни на члена-корреспондента Бугаева. Я в своих статьях никогда нигде не писал неправды. Никогда не писал по чьему-либо принуждению или приказу. В настоящее время я вообще независимый журналист, я нигде не работаю. Я решил себя посвятить полностью политической журналистике и являюсь к тому же депутатом Томского городского совета народных депутатов.

Первое, что я хотел бы заявить, и для Вашего сведения, Валентин Афанасьевич: Вы бы могли у меня лично поинтересоваться, а не писать письма в районный суд от своего имени, которые там были рассмотрены как попытки давления на суд, и я бы Вам объяснил ситуацию.

Большаков не читал мою статью, в которой была абсолютная правда. Он умер до того, он умер рано утром, на теннисном корте, играя в теннис. Потому что у него было больное сердце. Это во-первых.

Во-вторых, этот факт был доказан в двух разных составах суда, в которых я отстаивал свою честь и достоинство. По этому если какой-то человек будет сейчас утверждать, что я повлиял на смерть Большакова, то он просто будет являться клеветником, и я его предупреждаю, что второй раз я этого не прощу.

И третье обстоятельство. Я всего дважды писал статьи, в которых каким-то образом задевал интересы или честь мундира, можно сказать, администрации Института химии нефти. Обе эти

статьи были правдивы, и никто нигде не доказал, что это не так. А Большаков попал в больницу, как это тут драматически описывает товарищ Бугаев, только потому, что через два дня должен был состояться суд в Областном Томском суде, в котором его сотрудник пытался восстановиться на работу, так как он был уволен за критику. А почему он был уволен за критику, — очень просто: потому что, как в суде было доказано, Большаков требовал у него отдать премию, которую тот получил. Только и всего. Вот весь сыр-бор из-за этого и разгорелся. И связывать тут академика Зуева с этим фактом по меньшей мере странно.

У меня все.

акад. В. А. КОПТЮГ —

Спасибо. Что касается комментария в мой адрес, то я должен сказать, что когда я подписываю письма, я смотрю, что я подписываю. Члена-корреспондента Большакова я знал достаточно хорошо, потому что я подбирал человека на пост директора Института химии нефти, который разваливался. Подбирал его, консультируясь со всем фактически ведущим химическим сообществом, внимательно следил за его работой. И скажу мягко: Ваши публикации не содействовали нормальной работе Института химии нефти.

Так. Пожалуйста, кто еще хотел бы поделиться соображениями? Да, пожалуйста. Директор СКБ "Оптика", товарищ Кутелев.

КУТЕЛЕВ —

Товарищи, я работаю в СКБ с 1972 года. Являлся постоянным свидетелем и, более того, участником всего, что происходило. И в свою очередь могу сказать, что своим трудом и личным участием Владимир Евсеевич внес большой вклад в развитие материально-технической базы Томского научного центра.

Я просил бы уважаемых членов Президиума обратить внимание на один момент. Вот выступает Виктор Евгеньевич Панин, выступает сейчас Воробьев о своей производственной базе, выступают другие. Я на примере СКБ "Оптика" хотел бы показать, что я тоже мог выступать в свое время и заявлять что, вот, разговоры идут только о том, что надо наращивать материально-производственную базу науки, а заниматься этим не занимаются.

Ведь смотрите. СКБ, организованное в 1972 году, получили собственные производственные площади, построенные по титулу, только через 11 лет. В 1983 году был первый пусковой комплекс. Я буду говорить конкретно - грешить такими моментами, которыми вообще нельзя манипулировать. Я больше Виктора Евгеньевича Панина в строительстве покрутился, и насколько сложно делать все эти дела, я знаю. И в том, что он не начал строить корпус в 1988 году, виноват он сам, потому что из титула никто не вычеркивал, деньги у них никто никуда не забирал. Не подали вовремя документацию, не нашел контакта со строителями, с исполнительским звеном, а ходил по инстанциям высшим. Если бы делали это мы, то было бы то же самое.

И вот тот факт - он заявляет, что начал строить корпус на три года позже, вот этот корпус, который строит "Томскпромстрой". Ну, как он мог на три года позже строить, когда тот корпус он в 1988 году начал, должен был начать строить, а этот в 1990? Какие три года? Трех лет нет. Если шаг за шагом сейчас пройти по фактам, которые он здесь приводил, можно документально прямо показать, что это не так.

Виктор Евгеньевич постоянно аргументом, который мешает ему, приводит тот факт, что СКБ "Оптика" строится, инженерный

корпус, а из-за этого вроде бы не строится его корпус. Понимаете дело в чем, это было рассмотрено на Президиуме, все знали члены Президиума Томского. Это было тоже утверждено Сибирским отделением: титул был утвержден, мы попали в титул. Я привык за эти десять лет, которые мне пришлось участвовать в строительстве СКБ, в создании материальной базы, выполнять... ни одного срыва у нас по сдаче объектов не было. И не потому, что кто-то решал эти вопросы за меня. Нет.

И я не говорил, даже в голову не пришло, что у меня трудности со стройкой, потому, что строится какой-то другой объект, строится лучше, чем наш объект. Что ему уделяется больше внимания. Вот эта метода, она не к оздоровлению.

Между прочим, в последнее время Виктор Евгеньевич на Президиумах постоянно, на заседаниях даже Президиума, посвященных другим вопросам, переводит разговор на рельсы того, что мы потеряли производственные базы. Не так это. Ну, давайте: его Институт нааялся все-таки на собственных площадях - 2,5 тысячи, а нам дали, СКБ "Оптика", хлебозавод. Хотя Вы знаете, Валентин Афанасьевич, какое внимание ему решениями Сибирского отделения в то время уделялось. Причем здесь СКБ? Ведь это не вина, не то что Зуев решил и отдал. При всем его хотении, при всем желании, смог это протолкнуть. Ведь вообще была политика в то время в Сибирском отделении: страдает наука из-за того, что не имеет прочной, хорошей материально-производственной базы. И никто тогда не протестовал, почему СКБ "Оптика"... Вы помните технический проект? Он ведь был на 12,5 миллионов рублей! Он не прошел потому, что утверждение этого проекта нужно было выводить на уровень СССР. И там были сложности, которые задержали

строительство этого комплекса. И через десять лет после того, как технический проект был утвержден, тогда еще Гурием Ивановичем Марчуком, — он до сих пор до того уровня... мы вынуждены были его урезать.

Вы понимаете, если поручить посмотреть специалисту... Я полностью ответственность беру — возьмите и проведите этому проекту экспертизу. Я вам скажу: то, что сейчас говорится при участии директоров, которые пошли жаловаться в Президиум, вы знаете, мы ведь урезали этот комплекс, потеряли ту полноценность, которую должны были бы иметь.

акад. В. А. КОПТЮГ —

Комплекс какой?

КУТЕЛЕВ —

Инженерно-лабораторный корпус, на 600 тысяч, СКБ "Оптика". Пусть экспертиза состоится грамотная, и они вам покажут. Но я ведь в этом случае стараюсь... И я при Владимире Евсеевиче говорил: это не только его заслуга, а заслуга большая и руководства СКБ, что мы вот так вот настойчиво, целеустремленно, без срывов эту работу проводили. И за это обвинять...

По плану строительство должно было начаться в 1989 году — мы и начали строительство этого корпуса в 1989 году. А Панина корпус должен был быть начат строительством в 1988 году. Почему же он не начал строить?

Сначала на три месяца задержалась документация... Потом, он ведь не вышел ни на кого. Я-то знаю, я со строителями работал. Пойдите и узнайте, как он работал — с ними или на руководство. Заказчик с подрядчиком должен решать, а не на уровне исполкома или обкома. И — беспочвенное обвинение председателя филиала.

В чем невыгодность моего положения? Это не первый раз, и это, между прочим, нечестный прием. В адрес директоров я скажу, которые поднимают вот с этой трибуны и протест заявляют. Они приводят довод: ты — подчиненный человек, поэтому ты так выступаешь, и твое слово в данном случае ничего не должно значить. Ну, знаете, Валентин Афанасьевич, ведь это не по-джентльменски. Я в общем-то никогда и нигде, ни в каких делах сердцем и душой не кривил. Я всегда по мере своих сил и возможностей дело свое делал честно. И порученную работу честно и добросовестно исполнял.

Я сейчас можно представить, что я выступаю вот настолько темпераментно только потому, что я, видите ли, нахожусь в прямом подчинении Владимира Евсеевича Зуева. Вы извините, так говорить вообще и давать оценку людям по такому признаку недостойно.

акад. В. А. КОПЮГ —

Александр Федорович, но мы-то вроде здесь не давали.

А. Ф. КУТЕЛЕВ —

Нет, нет. Я говорю в данном случае — приводят факты, я готов был бы... И вообще, Владимир Евсеевич здесь сказал: давайте мы проверим, вот есть заявления Виктора Евгеньевича Панина, давайте проверим, поручим людям или человеку какому-то. Пусть он проверит факты, все, о которых мы говорили — куда и когда и какие деньги волонтеристическим решением председателя филиала переброшены?

Он приводит после этого, что СКБ ему мешает. Потом, когда баллотировались — он выдвинул Сергея Петровича, Сергей Петрович выдвинул его. Ну, это допустимо, это и самовыдвижение может быть. Но смотрите, он говорит, что СКБ мешает. Зна-

чит, надо СКТБ остановить, а ему корпус строить, потому что он поздно строить начал. А если он станет председателем, что он будет делать? Он будет то же самое делать! И еще хуже.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Так. Кто еще хотел бы? Это кто?

Начальник СКБ электроники больших мощностей

Работая в Томском научном центре, если можно так экстра-полировать на чего начало, 20 лет уже, будучи участником и очевидцем многих событий на протяжении Уже двадцати лет являюсь. Был научным сотрудником, ученым секретарем, заместителем директора у Месяца, а сейчас вот начальник СКБ электроники больших мощностей.

Хотел бы, не задерживая долго вашего внимания, проиллюстрировать несколько примеров наших взаимоотношений в Томском филиале. Вот, скажем, два дня назад Владимир Евсеевич пришел на Ученый совет Института сильноточной электроники и сказал, что три директора Томского научного центра поступили безнравственно, поехали к Коптюгу и там стали решать вопрос о замене председателя.

Чтобы понять, что же понимает Владимир Евсеевич под словом "нравственно", я задал ему такой вопрос: несколько раз Владимир Евсеевич заявлял, что Месяц и Большаков поехали к Коптюгу, поломали все планы строительства, вставили себе по корпусу, построили... Следовательно, по его логике, поступили безнравственно. Тогда я задал вопрос: Владимир Евсеевич, скажите, что бы было с Институтами сильноточной электроники и химии неф-

ти, если бы эти два директора не поехали и не поломали планы капитального строительства? Владимир Евсеевич ответил однозначно: было бы так, — мы бы построили базовый и экспериментальный корпус Института оптики атмосферы, инженерный корпус СКБ.

Вот некий своеобразный смысл вкладывается в понятие нравственности Владимиром Евсеевичем.

Я думал привести и несколько других примеров. Скажем, когда работал в начале 70-х годов в отделе Геннадия Андреевича Месяца в составе Института оптики атмосферы, мы строили главный корпус Института оптики атмосферы совместными усилиями. Но когда его сдали, мы получили там ноль квадратных метров площадей.

Я лично сам принимал активное участие в строительстве базы отдыха "Наука". Но когда начались прения между директорами, нас оттуда попросили, с этой базы отдыха.

Принимали мы, и довольно значительное, участие в строительстве СКБ НИ "Оптика", но когда его сдали, Геннадий Андреевичу стоило немало седых волос, и только лишь с участием активным Обкома партии нам там выделили 572 квадратных метра рабочих площадей. Правда, после отъезда Месяца по поводу открытия СКБ пришлось подписать некий документ, по которому эти площади освободили, хотя на сегодняшний день СКБ электроники больших мощностей не имеет ни одного квадратного метра собственных площадей.

Я не знав... Вот мне недавно сказали и такой случай, что Владимир Евсеевич, несмотря на острый недостаток у ряда подразделений площадей, продал корпус (небольшой корпус правда, он в 1973 году стоил 350 тысяч рублей) Сибирскому энергетичес-

кому институту. Построен он был, по-моему, на средства Сибирского отделения. И если это действительно так, я думаю, можно было продать кому-то своим этот корпус.

Конечно, очень сложные отношения существовали все эти годы и между директорами. Я уж не буду останавливаться на этом вопросе — он частично освещен, а частично просто стыдно выносить на такую большую аудиторию эти все распри. И, я думаю, большая вина Владимира Евсеевича лежит в том, что, вообще говоря, долгое время формировался партком, основной сферой деятельности которого было избрание руководящих кадров. Это и Месяца, это и Большакова, да и других общественников и их заместителей. Это можно подтвердить документально. К счастью архивы, по-моему, хранятся долго.

В общем, на мой взгляд, в Томском научном центре существует сейчас ненормальная ситуация. И вряд ли она улучшится, если на месте председателя будет Владимир Евсеевич Зуев. Видимое, Президиум Сибирского отделения все-таки должен пойти на то, чтобы найти некую другую кандидатуру, которая как-то бы сгладила все эти взаимоотношения.

А то, что Владимир Евсеевич строит хорошо — ну, в этом никто не сомневается и за это мы ему очень благодарны. Хотя надо отметить, что и тем институтам, которым давалась возможность строить, скажем, Институту сильноточной электроники, Бугаеву, им тоже удалось один корпус сдать в срок, а другой даже досрочно на полгода. Так что, в общем-то, здесь возможности могут проявляться и у других руководителей учреждений.

акад. В. А. КОПТЕВ —

Спасибо.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Вопрос к докладчику можно?

акад. В. А. КОПТКИГ -

Пожалуйста, пожалуйста, Лев Васильевич. А потом Воробьев.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Если я правильно Вас понял, Вы обвиняете академика Зуева в том, что он продал корпус, построенный за бюджетные ассигнования Сибирского отделения, какой-то организации. Вы это утверждаете? Или зачем Вы это говорите?

Я недавно встречался с сотрудником Сибирского физико-технического института, которые ехали на работу. Я спросил: куда вы едете? Они сказали: мы едем в приемный пункт так называемый. Мы купили у Института оптики атмосферы. Я не знаю. Если это не так, то Владимир Евсеевич меня сейчас опровергнет.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

И все-таки говорить с трибуны такие вещи... У нас же не митинг, Валентин Афанасьевич.

Если это не соответствует действительности, я готов принести Владимиру Евсеевичу извинения. Но, насколько я знаю, это действительно так.

акад. Ю. Л. ВРШОВ -

Ну, я бы хотел сказать, что Физико-технический институт - это не какой-то кооператив. Это старейший сибирский институт при Томском государственном университете.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Воспитанником которого является академик Панин.

акад.Н.Л.ДОБРЕЦОВ -

Ну он все-таки продан тогда или не продан? Раз уж подняли этот вопрос?

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Я ведь все записываю. Мне, надеюсь, предоставят заключительное слово, чтобы не выходить много раз. Я, в том числе, отвечу и на этот вопрос.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Владислав Никитович Воробьев.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Валентин Афанасьевич, я все-таки, как член Президиума, просил бы Вас пресекать митинговую направленность отдельных выступлений. Потому что иначе...

акад.В.А.КОПТЮГ -

Знаете, Лев Васильевич, я думаю, что выступают директора. Они Вас слушают и учитывают в выступлениях.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Надо держаться в определенных рамках.

В.Н.ВОРОБЬЕВ -

Я как раз не сторонник этой позиции. Заранее могу сказать. И члены Томского научного центра знают мою позицию с точки зрения морального поведения на всех заседаниях.

Я хочу выступить с двух точек зрения: как ученик красноярской школы, поскольку я одновременно был сотрудником Института леса и древесины и в то же время находился в составе Томского научного центра, в Академгородке, как заведующий отделом кедровых лесов. С первого заседания, 6 лет назад, меня поразила та атмосфера - и, вспоминая детство, я вспоминал разна-

рядку на конюшню в колхозе, в гараже, когда работал в леспромхозе. Вот такая атмосфера была и существует.

Кого винить? Я бы не стал бросать камни ни в тот огород, ни в другой. ... Они занимают в Союзе ведущее положение: и по решению кедровых проблем, и по бонитировке почв, ну, и другие вопросы. Скорее всего, не на бумаге, а на голом месте мы не имеем ни одного квадратного метра. И после того, как было поручено создавать институт, я буквально на следующий день, вернувшись отсюда, пошел к Владимиру Евсеевичу. С вопросом: как создавать институт, реально, зримо, материально?

У меня есть опыт созидания, опыт работы организационной. В 1984 году мне поручили создать отдел кедровых лесов абсолютно на голом месте. Ни квартир, ни жилья, ни одного специалиста в Томской области. Но тогда был отличный Обком партии. Был Литачев, был Мельников. И при этой мощной поддержке все было сделано. Я ни в коей мере не считаю, что это именно я организовав этот отдел. Что было поручено, то я и сделал. Но та позиция была расценена со стороны Владимира Евсеевича, как моя партизанская борьба, война. Даже я выходил, достаточно слесарный человек, тоже выходил из своих рамок. Но потом мы все это забыли, и Владимир Евсеевич даже рекомендовал меня в партию.

Я вступил в партию в 50 лет, поверил в перестройку. Пока еще верю и пытаюсь работать.

Я спросил у Владимира Евсеевича, как мне быть: вновь начинать партизанскую войну, или нормальным путем можно решить вопросы? Мы сейчас занимаем ряд помещений, арендуем. Лаборатория бонитировки почв находится на складе. Другая лаборатория вначале арендовала СКБ "Оптика", нам помогли. Потом нас высели-

ли, перевели в гараж. Никак не можем ввести в строй химлабораторию. Часть лабораторий находится в РСУ. Четвертая часть находится в камеральном блоке Томского научного центра.

Так вот, первый вопрос, которым мы сейчас столкнулись, это интенсивное, форсированное получение площадей. Резервы есть: в камеральном блоке. Я пытался прозондировать почву у Владимира Евсеевича, у его заместителя, Владимира Алексеевича. Часть уже площадей выделяется, на сегодняшний день согласовано 105 кв.м. Ну, это не решение вопроса.

Многo был поставлен достаточно кардинальный вопрос перед Владимиром Евсеевичем, и Владимир Евсеевич не дал отрицательного отзыва, за что я ему благодарен.

Я сказал о том, что у нас на I4 пятилетку вначале планируется главный корпус Института. Сейчас мы будем строить корпус трех отделов: отдел кедровый, лаборатория бонитировки почв и геофизики. Он идет по титулу как корпус отделов, а затем, видимо, будет как первый корпус института. Я сказал, может быть, сделать так, чтобы вот этот камеральный блок, который сейчас есть, передать нашему Институту, а службы Президиума каким-то образом рассредоточить? Потому что сейчас появляется много возможностей: то там стройка завершается, то там стройка завершается, можно сделать.

Потому что все те графики, которые здесь были показаны, выдающиеся графики, — это от 64 % площадей ведущих направлений в нашем Центре до сотых долей наших. Базовых подразделений нашего Института. Чтобы нам стать на ноги, нам потребуется, может быть, лет 20, а в современных условиях еще не известно, как встать на ноги.

Может быть, мы этот вопрос как-нибудь обсудим. Тем более, что на открытии Института, когда и Владимир Евсеевич приходил к нам и поздравил даже на английском языке, присутствовал заместитель председателя Облисполкома, который сказал — он знал определенную информацию, даже не из моих уст, о том, что надо бы этот корпус нам передать, или по крайней мере этажа два, тогда бы вопрос решился. Решение Облисполкома о поддержке создания нашего Института есть, и есть обращение в адрес Владимира Евсеевича помочь нам в материальном создании Института.

И вот, когда я задался этими вопросами, я ходил к Владимиру Евсеевичу, затем ходил в Обком партии к Поморову и уже третий вариант — это, совместно с директорами других институтов, оказался на приеме у Валентина Афанасьевича. С тем же самым вопросом: как решать вот эти сложнейшие вопросы, по строительству, по жилью, по рабочим площадям.

Видя всю моральную обстановку, видя всю сложнейшую материально-техническую обстановку, мне как-то думается, что в такой обстановке будет чрезвычайно сложная ситуация с Институтом, хотя мы его будем создавать в любых условиях. Будем создавать.

И мне кажется, проблема в том, что мы являемся, не обращая внимания на личности, не оскорбляя друг друга, — я думаю, мы являемся свидетелями кризиса той знаменитой авторитарной системы, которая развалилась в Союзе, и мы подошли к этому пику. К этой дате. И вопрос у нас пикантный: или мы проскочили перестройку, или она только сейчас у нас начинается. Или из одной авторитарной системы уже можно перейти в другую, поскольку обстановка требует именно такого жесткого управления. То есть,

это обыкновенная авторитарная система сейчас разваливается, и мы ищем выход. И выход в принципе есть.

Мы полагаем, что все институты мощные, вставшие на ноги, это, по сути дела, те же самые республики, которые могут заключить соглашения между собой, содержать всю обслуживающую структуру и делегировать центру, председателю только те полномочия, которые директора считают нужным. Мы, например, пришли к такой системе, что может быть нам на паях, на контрактной основе пригласить любого выдающегося строителя Томской области в город (а таких много строителей-томичей), чтобы он снял с нас эту нагрузку. Потому что сейчас любой, кто встанет на этот пост, он либо забросит Институт, либо потеряет здоровье.

Естественно в той жесткой системе, конструкции, которая раньше была, замены Владимиру Евсеевичу нет — альтернативной фигуры нет при той же системе. Но если систему изменить, я думаю, что можно прийти к какому-то выводу, тем более, что важнейшая задача кандидата следующего, это наладить моральный облик, прийти к взаимодействию. Томский научный центр может получить новое дыхание.

Сейчас, например, создавая Институт и помня рекомендации Валентина Афанасьевича о том, что нужно создавать не традиционный институт биологического профиля, а экологического, технологического, химического, физического, мы вышли на такие богатые контакты с Институтом оптики атмосферы, с Институтом химии нефти, с НИИББ, с Томским университетом, то, даже не рассчитывая на какое-то обилие и не заблуждаясь с бюджетным финансированием, очень многие вопросы можно решить именно таким путем: за счет контактов. Имея задачи, имея наши биологические знания,

имея мощнейшую аппаратуру дистанционного изучения и атмосферы, и приземного слоя, и других областей наук, мы можем многие экологические задачи в Томской области решить достаточно экономным путем.

Поэтому, мне кажется, именно с этих позиций мы можем перейти к формированию какой-то новой конструкции. Я думаю, что с помощью председателя Сибирского отделения, уважаемого Президиума эту конструкцию можно создать, и фигуру можно найти.

Не надо нам загонять друг друга в тупик.

Как самые крайние меры, здесь прозвучал ультиматум директоров: выход из состава. Это крайние такие слова, которые не надо понимать дословно. Никто так не понимал и не говорил. Но на крайний конец, если что-то будет неблагоприятно, я буду просить Президиум Сибирского отделения взять под опеку наш Институт, ну, в форме какого-то президентского правления. По крайней мере, оказать помощь в решении вопроса площадей, оказать помощь, чтобы я не оказался на минном поле строительном.

Первый этап строительства экспериментального хозяйства у нас был выполнен успешно. В прошлом году мы все завалили. В основном, конечно, это моя вина по этому поводу. Ну, и помощи со стороны Томского научного центра не было оказано. Это упрек в адрес бывшего заместителя по общим вопросам.

Так что, я выражаю надежду, что мы выйдем из кризиса - это объективный кризис. За помощь и поддержку в создании Института я Владимиру Евсеевичу всегда останусь благодарным.

акад. В. А. КОПЧЕГ -

Екатерина Егоревна, да? Ну, давайте Вы, постом десяти-минутный перерыв.

Е.Е.

Здесь очень много было сказано об Институте химии нефти, поэтому я не буду ничего говорить. Ноша мне досталась тяжелая, конечно.

Я новый человек в Томском научном центре, в том смысле, что я не с самого начала работала в Томском научном центре — пришла из Томского политехнического института, и, тем более, на директорском посту. Тем более, никогда не собиралась быть директором, но так уж случилось, что жизнь заставила.

Но что безусловно — наверно, не найдется никого в нашем городке, кто бы не сказал "спасибо" Владимиру Евсеевичу. Он при жизни поставил себе памятник. Это без исключения. Будут его ругать за какие-то там дела, но то, что он сделал — это есть.

А то, что у нас есть проблемы, вот, они сегодня перед вами прозвучали. Проблемы у нас на Президиуме возникают постоянно. Для меня это совершенно неприемлемо. Что у нас в Институте, моя основная задача — я полтора года уже сейчас на этой должности — и моя основная задача была в Институте самом, после смерти Большакова мы еще судились полгода, суд шел. Так я приняла Институт. Трудно было. И моя задача была только создать хорошую психологическую обстановку в коллективе. Если не будет психологической обстановки хорошей, не будет работы, не будет дел. И то, что мы сейчас в Томском научном центре создали, столько вложили...

Действительно, я Владимира Евсеевича по-человечески понимаю: душа болит, он идет, и все его руками сделано. И то, что у нас уже сейчас начинает разваливаться, вот это меня больше всего волнует.

То, что работало несколько лет назад, два, полтора года, — те методы, те приемы, они не работают уже сейчас, а других еще не создано. И вот в этот промежуток времени может развалиться все то, что сделано, на что затрачены такие огромные деньги. Поэтому жить нам надо иначе.

Как Владимир Евсеевич здесь уже говорил, эти две недели мы наверно всем нашим томским коллективом только тем и живем, а как нам жить дальше? Кто уже будет возглавлять наш Центр? Было у нас несколько собраний, мы обсуждали. И вот один из вариантов — я как раз вынесла предложение: а помоему, почему должен быть директор какого-то института? во зглавлять Томский научный центр? Вначале действительно как-то так все время просматривалось.

У нас есть подготовленный человек: Владимир Алексеевич. Владимир Евсеевич готовил его. Но вот я считаю, что здесь вина большая Владимира Евсеевича, что, когда подходил срок пятилетний, нужно было здесь его власть устроить: посадить Владимира Алексеевича и сказать — вот тебе, милый, полгода, но ты должен защититься, я в тебе видел себя преемника.

Мы с Владимиром Алексеевичем работали, все институты. Я думаю, все институты и все директора. И, наверно, никто не скажет, что мы с ним не могли сработаться. Я еще когда пришла, он тогда как раз работал на должности зама. И я считаю, что здесь нужно прислушаться к нам. Никто из здесь присутствующих не скажет против этой кандидатуры. Я думаю, что он уже подготовлен. И я думаю, что нам нужно прислушаться.

Когда мы обсуждали кандидатуру... У него есть уже новые подходы: как перестроить работу. У нас у директоров есть под-

ходи. Вот только что Владислав Никитич говорил, какие - мы уже какие-то обсуждали здесь. Мне кажется, это самое главное для нас. А если поставить кого-то из директоров, все равно, это будет продолжаться. Если не будет нормальной психологической обстановки, мы постоянно будем только тратить силы. А нельзя сейчас тратить силы. Все силы нужно объединять. Правильно Вячеслав Никитович сказал - нам нужно объединять, мы только в этом случае выживем. А мы как-то разъединились, разъединенно все работаем.

Мне кажется, если мы придем все к такому снаряжению, что нам может быть и варяга не надо, потому что у нас есть уже такая кандидатура, если мы все на этом согласимся, мы все его будем поддерживать - я думаю, если даже он будет в чем-то ошибаться, мы будем его поддерживать. И в этом случае мы выработаем и сохраним все то, что у нас очень быстрыми темпами создано в нашем Томском научном центре.

Институты действительно сильные. И действительно темп хороший во всех институтах, сейчас это видно. Но психологическая обстановка - прежде всего. Это я знаю по своему Институту. Поэтому, мне кажется, здесь нужно всем нам... Владимир Евсеевич тоже предлагал эту кандидатуру, и я думаю, и он согласен, что нам нужно сейчас принимать. Даже, то, что он не защитил диссертацию - он может временно исполнять обязанности... какой-то вариант должен быть, но у нас кандидатура в своем Центре есть. Я бы хотела, чтобы прислушались к этому. Мне кажется, хватит обсуждать и говорить. Картина у вас создалась о нашем Центре, и лишнего здесь уже не надо говорить. Проблема есть. А детали - это уже нюансы. А то, что есть проблема - она есть.

Решать ее нужно. Один из путей, я считаю, — мы уже обсуждали между собой, и на бюро выносили, и на Президиум. Я думаю, что на этот вариант нам надо потратить время и силы.

акад. А. В. РЖАНОВ —

Вы несколько раз повторяли, что есть проблема. Можно в одной-двух фразах сформулировать сущность этой проблемы?

Е. Е.

Можно. Почти каждый Президиум проходит у нас в конфликтах между двумя академиками. Мне больно слышать и видеть, что они в конфликте. Это проблема.

акад. А. В. РЖАНОВ —

То есть, проблема в конфликте между двумя?

Е. Е.

Нет, не только двумя. Чаще всего у нас такие проблемы возникают или между академиками, или когда мы обсуждали по транспорту... Я не повторяла — зачем отвлекать ваше внимание? Вы ведь все слышали эти проблемы. Вот это и есть проблемы, те, о которых здесь все люди говорили.

акад. А. В. РЖАНОВ —

Меня это не удовлетворило. Если есть проблема, ее можно сформулировать.

акад. В. А. КОПТЕВ —

Я думаю, это проблема взаимоотношений.

акад. А. В. РЖАНОВ —

Ну так пожалуйста и сформулируйте ее.

Е. Е.

Проблема взаимоотношений между людьми, членами Президиума нашего Томского научного центра. Здесь проблемы возникают

между Паниным и Зуевым . Есть проблемы, в последнее время возникли, у Бугаева и Зуева. У Пинкина, я помню, были на каком-то Президиуме.

акад. А. В. РЖАНОВ -

То есть, всегда одна сторона проблемы - это академик Зуев?

Е. Е.

Я понимаю это так, потому что он председатель. Если бы он был не председатель, может быть, проблемы и не было бы.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Спасибо. Екатерина Егоровна внесла такое предложение. Что мы получили довольно много информации. Надо нам дальше слушать информацию или?.. Ну хорошо. От профсоюза есть представитель? Есть. Давайте мы сейчас сделаем перерыв, дадим им слово, от общественных организаций, потом послушаем Владимира Евсеевича, а потом обменяемся мнениями. А сейчас - перекур 10 минут.

(ПЕРЕРЫВ)

(ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА)

акад. В. А. КОПТЮГ -

Так, хорошо. Мы договорились послушать Сергея Дмитриевича от Областного комитета партии, и потом... хорошо, слушаем.

С. Д.

Уважаемые товарищи, скажу вам искренне, что единственное чувство, которое испытываешь, находясь в этом высоком собрании, это чувство горечи. Потому что, может быть, в партийном апа-

рате я человек новый, но много лет работал в области, в Обкоме комсомола, и всегда знал ситуацию нашу. Всегда мы с гордостью говорим о том опыте, который в области был. Сегодня об этом Владимир Евсеевич упоминал кратко в своем сообщении — что да, действительно, это было. Более 15 лет существовал Совет по координации научных исследований в Томске. Три года просуществовал Совет по ускорению научно-технического прогресса. Разработаны были серьезные программы, и это дало ощутимый результат в деятельности не только наших научных сил, но и промышленных предприятий, в консолидации науки ведомственной, отраслевой и вузовской, и так далее.

И если бы я сейчас сказал о том, что эта ситуация в Томском филиале Академии наук, она нова для Областного комитета партии, я бы покривил душой. Да, такие ситуации возникали. И я знаю, что время от времени секретариат Обкома партии, первый секретарь вмешивались в эту ситуацию, пытались решать, и помогать, и показывать. Но я задаю себе вопрос: мог ли стать другим Владимир Евсеевич в той системе, которая существовала? И хотел бы задать вопрос нашим уважаемым академиком-томичам, которые здесь выступали. И даже в их выступлениях прозвучало: да, я Владимира Евсеевича обожествлял, да, я по его просьбе организовывал какие-то выступления, и так далее.

Давайте себе скажем честно и искренне, что все мы, ученые Томска, обком партии, и каждый лично эту ситуацию создавали. И мы (сегодня это уже прозвучало) объективно пришли к этому результату.

Если говорить с сегодняшней ей позиции Областного комитета партии, она объективно диктуется той ситуацией, которая есть.

Мы не можем так, как прежде, вмешаться непосредственно, дать какие-то указания, и так далее. Да, по поручению первого секретаря Виктор Константинович Финкин изучал ситуацию. И это, Владимир Евсеевич, не было какой-то тайной, потому что он встречаясь в частности и с Вами, участвовал в заседаниях Президиума. Это был известный факт, и это делалось лишь с одной целью, — чтобы поглубже изучить ситуацию.

Я не готов и не уполномочен, кстати сказать, и первым секретарем Обкома высказывать в данной ситуации какую-то позицию. Конечно, мы все (как и вы, наверно), хотим только одного — как-то достойно выйти из этой ситуации. Понимаете, этого по-моему нам всем не хватает, этого самого достоинства. Одному — понять, что ситуация такова, что, наверно, в этой обстановке просто уже дальше невозможно; другим — не опускаться здесь до мелочей, до мелких каких-то прищипок. Только понять всем наконец, что, очевидно, ситуация изменилась, и надо выход найти.

Поэтому я должен высказать в данной ситуации только какое-то личное мнение. И я его хочу высказать, чтобы быть откровенным в этой аудитории. Конечно, нужен какой-то компромисс. Я меньше всего хочу, чтобы при этом пострадало человеческое достоинство уважаемого мною Владимира Евсеевича. Я меньше всего хочу и того, чтобы сохранилась эта ситуация. Валентин Афанасьевич, если мы не найдем решения, это не улучшит положения. То есть, решение должно быть найдено. Может быть, тот компромисс, о котором говорил Владимир Евсеевич; может быть, то, о чем говорила буквально передо мной Екатерина Егоровна. Но надо этот вопрос решить.

Вы знаете, вы — умные люди, и мне просто стыдно и неудобно вам здесь какие-то давать советы. Но есть, наверно, необ-

димось (не знаю, в какой мере) — ситуация в коллективе, и хотя склонен доверять позиции директоров, не хочу их обвинить, но, наверно, это немаловажное обстоятельство, и его надо учесть каким-то образом. Если здесь есть представители общественности, наверно, это мнение прозвучит как-то, эти вопросы рассматривались.

Ведь ситуация может выйти затем уже из-под контроля директоров, и каждый из них может завтра оказаться в подобной ситуации. Это так же, как у нас одна ситуация Россия и Центр, и совсем другая ситуация возникла Россия и автономии уже в России. Так же, в общем-то, не породило бы это определенную цепь последствий-шагов. Мы с вами всего натерпелись, и с выборностью руководителей, и с прочими вещами, сейчас стали многие вещи понимать. Поэтому я еще раз хочу только призвать вас как-то выйти из этой ситуации достойно. И мне больно просто, что может быть эта ситуация спровоцирована. Мне не очень нравится, что мы дошли до каких-то частных. Что эти люди, которые здесь выступали, в этом составе работать не могут уже. Понимаете?

Наверно, люди взвешивали, думали не одну ночь и не один день над своими словами. Поэтому надо найти решение.

акад. В. А. КОПЫЛОВ —

Спасибо, Сергей Дмитриевич. Пожалуйста.

Уважаемые товарищи, я здесь представляю профсоюз — нашу самую большую общественную организацию. Я, правда, всего год возглавляю Объединенный комитет профсоюза. Но та ситуация, которая складывается у нас на Президиуме, с моей точки зрения, конечно, нетерпима.

Не нужно говорить, что такая ситуация у нас в научном центре, потому что в Научном центре нет той конфронтации, которая есть в Президиуме. В парткоме, насколько я знаю, ситуация нормализовалась у них, такого рода ссор, которые есть на Президиуме, у них нет давно уже. В Объединенном комитете профсоюза у нас тоже в общем нормальная деловая обстановка, и такого рода ссор и разборов у нас нет. Но в Президиуме такого рода ситуация, к сожалению, сохраняется. И тут, действительно, надо искать некий компромиссный вариант, при котором удастся избежать столь резких конфликтов и столкновений.

Объективная причина для такого рода конфликтов останется. Потому что как бы ни изменился председатель, как бы он в какой-то цвет институтом окрашен не был, тем не менее, институтов в научном центре много, учреждений много, а денег на их развитие так, чтобы по потребностям было, не хватает. В этой ситуации, безусловно, видимо надо поискать такой вариант, при котором руководить научным центром будет не директор института (мы обсудили это и к конечному итогу склонились к этому варианту).

В нынешних условиях на посту председателя Президиума должен быть человек, не возглавляющий наши крупные учреждения — то есть, институты или СКБ. Поэтому тот вариант, который уже здесь звучал, с нашей точки зрения, наиболее приемлим. Это должен быть человек, хорошо знакомый с научным центром, с его проблемами, поработавший уже. И кандидатура Владимира Алексеевича вполне подходит. Может быть, через год, если ограничиться как раз этим сроком, возникнут и будут подготовлены и другие кандидатуры, которые может быть в конкурентной борьбе поучаствуют с Владимиром Алексеевичем. Но, с нашей точки зрения, рас-

шить эту ситуацию можно именно таким образом.

Я не буду перечислять заслуг Владимира Евсеевича, и его преемник, который должен тут стать, видимо, должен строить свою политику так, чтобы более гармонично развивались все учреждения научного центра. Потому что, в конечном итоге, благополучение научного центра будет зависеть от того, насколько благополучно, насколько эффективно работающими будут его подразделения - институты и СКБ. Насколько они будут финансово благополучно жить, так будет жить и научный центр.

Поэтому тут у меня просьба к членам Президиума взвешенно подойти к этой ситуации и с пониманием отнестись ко всем предложениям, которые здесь прозвучали.

У меня всё.

акад. В. А. КОПТЕГ -

Спасибо. Владимир Алексеевич Крутиков.

В. А. КРУТИКОВ -

Уважаемые товарищи члены Президиума, уважаемый Валентин Афанасьевич! Я признателен за возможность выступить и хотел бы буквально несколько минут занять вашего внимания для того, чтобы со своей точки зрения осветить возникшую или положение в Центре и продемонстрировать некоторое знание ситуации для того, чтобы вы могли меня оценить в качестве возможного претендента на пост председателя.

Дело в том, что я действительно пять лет, с 1980 по 1985 год, работал в должности заместителя. Это была ненормальная и ситуация тогда, когда и у нас, и в Красноярске два кандидата были заместителями у академиков. И, в общем-то, было

вполне разумно принято решение эту ситуацию ликвидировать. И, если говорить честно, я с удовольствием в 1985 году ушел с этого поста. Потому что действительно ситуация была сложная. Но я бы не хотел (сегодня так получилось) сваливать всю вину на Владимира Евсеевича.

Я - сотрудник Института оптики атмосферы, и я могу хоть где заявить, что я за то, чтобы Владимир Евсеевич Зуев перестал заниматься Центром, чтобы он занялся Институтом. Дело в том, что сложности вы понимаете. И просто я считаю, что кроме того, что нужно заниматься Институтом, просто нехорошо чисто с человеческой точки зрения человека, который так много сделал, постоянно тыкать в какие-то мелкие проблемы. Он ведь человек. Не "человек, который", а просто человек - со всеми своими ошибками, недостатками, со всеми чертами характера, которые могут и не нравятся.

Но, к сожалению, у нас в Центре сложилась ситуация, когда возникает непонимание. И когда Владимир Евсеевич три года назад мне предложил назад вернуться, я сразу отказался. У меня тогда уже практически была готова диссертация. Но началась конверсия, и я здесь сделал два момента. Первое. Несмотря на то, что не стало денег, тем не менее, все договора, которые были заключены, я довел - это потребовало определенного личного вклада. А во-вторых, я сознательно начал тормозить защиту диссертации. Поскольку я считал: срок подойдет, Зуев уйдет и автоматически я там не окажусь.

Но я не думал, что такая ситуация сложится в стране и в Центре, что все пойдет насмарку. Вы представляете, я, - человек который с 1970 года работает, с 1967 года я в этой орбите...

Мне просто стало страшно, что все то, что мы сделали, просто может рассыпаться.

Это рассыпется в любом варианте, если любой из директоров заступит. Просто сейчас настолько время динамично, что пока человек войдет в курс многое уйдет. Уйдут строители — в первую очередь. Насколько я помню себя, они все время мечтали о том, чтобы уйти. Зачем "Химстрой" наши 2,5 или 3,5 миллиона, когда он имеет около 200 млн от других объектов? И так далее. Вот такая ситуация. И я сейчас, как патриот, если хотите, Академгородка, как человек, которому дорого все, что там сделано, понял, что, в конечном счете, институты не пропадут. Они найдут деньги, как-то сделают если не цворцы, то вполне приличные помещения производственные и учебные.

А Академгородок как таковой, он замрет в своем развитии. И в конечном счете, это ударит прежде всего по науке. Не будет строительства жилья, — ни один институт, какой бы там ни был хороший директор, не будет развиваться дальше. Это же очевидно. Когда у нас на Президиуме обсуждают пятилетку, все готовы весь строймонтаж разбить на корпуса и всё. Начинаем задавать вопрос: скажите пожалуйста, как без теплотрассы жить? Нет, нет, теплотрассу выбросили. Сейчас мы не знаем, как без теплотрассы. В прошлой пятилетке были трубы — в этой пятилетке трубы нужно искать самим. Я уж не говорю то, что все дороже.

Понимаете, вот это постоянное непонимание. И вот когда Сергей Петрович Бугаев сказал на заседании Президиума, что нужно в дальнейшем правительству доверия, я, честно говоря, порадовался такому образному сравнению. Действительно, должны доверять, должны слушать не только свои проблемы, а и выслушивать

противоположную сторону. Я, например, понимаю, почему, допустим, НТК Оптики атмосферы претендуют на то, чтобы они вперед получили — ну, потому, что они все-таки развивали, и если бы не было НТК, не было бы Академгородка, и не было бы Виктора Евгеньевича Панина, и не было бы, я думаю, и академика Панина. Но это уже путь исторического развития, где роль личности не должна тоже преуменьшаться.

Поэтому я хотел бы, чтобы в будущем директора, независимо от того, буду я в Президиуме или не буду, внимательно слушали противоположную сторону. Это первое. Второе. У нас на всех участках руководства Центра (я имею в виду руководство службами Центра) — профессионалы достаточно высокого качества. Поскольку все они поштучно подбирались — так, как у нас подбираются директора, руководители отделов, точно также поштучно подбирались и руководитель ОКСа нашего, и начальник автобазы, и так далее. И когда вместо взаимопонимания, вместо, если хотите, обучения у этих специалистов директора для того, чтобы хотя бы азы понять того же самого капитального строительства, идет обвинение... В итоге получается задержка по времени, не вс-время подготовленная документация — и со всеми вытекающими последствиями. И опять вина на председателе. Фактически директор должен был бы критически отнестись к себе и сказать: да, я здесь, конечно, дал маху, давайте начнем все сначала, — и забыть те проблемы, которые возникали. Но это не забывается, это все наслаивается.

Я согласен... Я, вс-первых, признателен, конечно, Екатерине Егоровне, которая постоянно меня выталкивает. Я признателен ей за то, что она меня, кажется, понимает, и в моих даже

сомнениях. Но я считаю, что если любой директор института станет сейчас председателем, та же ситуация повторится, поскольку те же проблемы будут. Все равно у этих директоров будет на первом месте свое собственное "я" и коллектив, и дальше будут уже общие интересы. И совсем в конце останется социальное развитие Академгородка.

Безусловно, здесь должен быть человек желательного независимый, примерно так, как сейчас сложилось в Красноярском научном центре.

Что касается моей кандидатуры, я бы, конечно, склонялся к тому варианту, о котором говорил здесь Владимир Евсеевич. Время сложное. Без опыта, без связей никому, — ни мне, который может быть что-то знает об этом, но просто вес нужен, фигура. Ведь сейчас люди идут, и те же руководители, которые пришли, они приходили к Зуеву, как к личности, как к руководителю. То есть верили ему. Несмотря на то, что теряли при этом в зарплате. Если сейчас эту и эмоциональную, и фактическую связь, и отношения со строителями резко прервать, то это, я думаю, нанесет вред. И поэтому я думаю, что лучший был бы вариант... я не знаю, как тут ближе быть к Уставу: либо проследить полномочия на год, либо вообще не проводить выборы и не выносить этот вопрос на Общее собрание. И дать возможность Владимиру Евсеевичу, если он настаивает на моей кандидатуре...

Я готов за ближайшее время сделать диссертацию свою, заступить на пост. Но я настаиваю на том, чтобы через год мы к этому вопросу вернулись, с выборами. Потому что лозунг о доверии — я в нем после сегодняшних выступлений всех директоров сомневаюсь. Потому что мы, вообще говоря, у себя на заседаниях

Президиума пришли к некому консенсусу. Здесь о нем вообще не было. У нас есть протоколы этих заседаний. Мы вернулись к исходной позиции. То есть, мы опять друг друга не слышим. Какой смысл, — допустим, вы примете решение, на 5 лет избрать его. Ну, это я себе петлю просто наброшу, и все. Сознательно. Но я еще не самоубийца.

И не ставлю никакой ультиматум. Я просто с вами вслух, как с товарищами опытными, беседую. Поскольку я всю жизнь связал с Сибирским отделением, с Академией наук, и хотел бы в ней спокойно работать.

Спасибо.

акад. В. А. КОПТИГ —

А какой консенсус был на заседаниях Президиума достигнут?

В. А. КРУТИКОВ —

Он был достигнут после заседания, в разговоре с Сергеем Петровичем о том, что все-таки, во-первых, снять некоторые взаимные обвинения, не выносить их на заседание Президиума. Это наше внутреннее дело. Мы можем переругаться, в конце-концов успокоиться и не выносить сюда или, как Сергей Петрович правильно говорит, не позориться. Это первое, считаю, самое главное. Это уже некоторое доверие друг к другу.

А второе это то, что, может быть, я самозванец, но тем не менее я считаю себя фигурой, которая устраивает всех — и Владимира Евсеевича, и оппозицию. То есть, я готов участвовать в таком варианте. И тогда осталось только нам обсудить механизм, и всё. И тогда не было бы этого многочасового и очень тяжелого, когда директора вынуждены уже валидол принимать, обсуждения, которое никому никакой пользы не принесет. А помощь в дальнейшей работе оно вообще не поможет.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Так. Сколько Вам времени надо, чтобы защитить диссертацию?

В. А. КРУТИКОВ -

Я оцениваю ситуацию таким образом. Мне нужно просто релаксироваться с неделю, переключиться на то, чтобы просто заботиться обо всем, что было. За месяц я ее напишу, она у меня на две трети написана.

Я должен отвести, может быть, подозрения, что три года назад и что-то тут не то... Нет, на самом деле все то. Более того, за это время я здесь даже премию Совета Министров получил, причем в соавторстве с Владимиром Евсеевичем и Геннадием Андреевичем Месяцем. Такой альянс получился, как это может быть ни парадоксально покажется. Причем, я получил приглашение войти в этот авторский коллектив от москвичей, которые видели меня в деле.

Ну и потом, честно говоря, я никогда не чувствовал себя администратором, и по вот поводу задвинуть кого-либо я считаю, - находить общие решения. Но опять же, вижу Вячеслава Ежиковича, которого я глубоко уважаю, но это его выступление меня мгновенно обижает. Что такое сейчас этот камеральный блок или здание Президиума? Выселить - это значит ОКС на склад отправить. ОКС, у которого сейчас где-то 5 миллионов строймонтажа. Это зам. по общим вопросам, у которого 30 миллионов основных фондов, тоже куда-то выкинуть.

Там мы с большим трудом создали у себя малое предприятие проектное, чтобы наконец раз и навсегда решить проблему проектирования - сейчас его тоже куда-то выкинуть? Ну, и чего мы

добьемся? То есть, опять это желание свое "я" поставить вперед. Все службы, о которых я говорил - это же все в целом на Академгородок.

Вот я поэтому, если хотите, - надо дать мне возможность, если я там буду, чтобы через год я мог со спокойной совестью не баллотироваться и потихонечку уйти.

акад. В. А. КОПТУГ -

Ну все-таки, месяц на написание. Меня интересует, как с защитой. Сколько?

В. А. КРУТИКОВ --

Ну, я не знаю, какие там формальности.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Защита будет проведена через 31 день после того, как диссертация будет представлена.

В. А. КРУТИКОВ -

Я с ней выступал. Она в немного урезанном виде была, поскольку выступал на открытой сессии Института. Меня там покатали - с точки зрения улучшения качества, говорили, пиши монографию...

акад. В. А. КОПТУГ -

В общем, через три месяца, будем считать так, может быть защищена. Так, хорошо. К Владимиру Алексеевичу какие-нибудь есть вопросы? Нет? Спасибо. Владимир Евсеевич.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Хотя я все подробно записал и собирался выдать комментарий по всем замечаниям, я решил, что не стоит утомлять вас этим делом, за исключением одного момента, о котором уже Владимир Алексеевич сказал. Ну, нельзя быть таким экстремистом,

скажем, профессору Воробьеву. Ну, как можно заявить: только потому, что принято решение о создании Института, любой ценой форсированно создавать этот Институт. Ну, я понимаю, еслибы он сам внес какой-то личный вклад в создание материальной базы. Никакого личного вклада за эти шесть лет он не внес в создание материальной базы. Более того, я могу привести такой пример, когда в прошлом году Сибирское отделение и лично Валентин Афанасьевич выделили ему официально 200 тысяч рублей строительно-монтажных работ. Это было включено в государственный план, с официальным подрядчиком. Итог - ноль. 200 тысяч рублей Сибирского отделения потеряны. Поэтому я в этом конкретном случае ничего не мог сделать, поскольку подрядчик, это лесники. Ну как так? Он возглавляет лесной отдел. Неужели он со своими лесниками не мог договориться.

Более того, мне известно, что Владимир Алексеевич Крутиков ему нашел кооператив строительный. Но все равно ничего не сделано.

Что значит поставить вопрос с тем, чтобы расселить здание Президиума Томского научного центра, вместе со всеми службами эксплуатации? Это все равно, что сказать: новый институт появился в Новосибирске, приходит его директор и первое, что делает - требует у председателя Сибирского отделения расселить Президиум Сибирского отделения с его аппаратом. Как вообще, с точки зрения бытового смысла, такие вещи рассматривать?

И потом еще обижаться, что он не получил немедленного положительного ответа на обращение.

Но я все-таки дальше хотел дать формулировку причины этих так называемых взаимоотношений. Я между прочим провел во

всех четырех институтах по моей инициативе встречи. Самая плохая встреча была в Институте сильноточной электроники, она была последней, потому что коллектива там не было. Меня до коллектива Сергей Петрович не допустил. Я хотел встретиться с коллективом. В остальных случаях я встречался с коллективом. Так вот, я во всех этих встречах, за исключением одного выступления на встрече с Ученым Советом Института сильноточной электроники, доктора наук Удачкова... Откровенно озлобленное выступление. Во всех остальных случаях я смотрел на людей. Мне директора говорили, что на части меня разорвут в коллективах. По лицам людей я понимал, что меня если не все, то 90 с лишним процентов слушают и меня великодушно понимают.

Так вот, я задаю тогда вопрос себе и вам: скажите пожалуйста, вот если я такой вольтарист, со мной невозможно работать... Ведь я же работал не только с этими несколькими директорами. Весь Академгородок — это сегодня организм. Посмотрите, какое количество объектов. Кто там бывал, тот своими глазами видел. Мне ведь не было за все эти годы никаких проблем, ни с каким первым руководителем любого ранга. В процессе создания Академгородка, в процессе его эксплуатации.

Может быть, кто-то в Президиуме Сибирского отделения, из аппарата за эти годы пожалуется на то, что какие-то у нас возникали тут проблемы? У меня были проблемы только с двумя людьми: с председателем и его важным помощником. Я имею в виду Валерия Дмитриевича Ермикова. Вот только два человека. Один из этих людей — уважаемый мной человек. Я имею в виду Валентина Афанасьевича. Но я совершенно спокойно объясняю, что главными виновниками вот такой слякившейся ситуации являются два чело-

века: Валентин Афанасьевич и Зуев.

В чем вина Валентина Афанасьевича? В том, что он в течение II лет (я уже об этом говорил) считал возможным слушать жалобы и ни разу не собрал нас всех вместе и не роздал еще в самом начале, кому что. Я не считаю себя идеалом. Но вот при зарождении болезни это можно было сделать с большой легкостью. А когда происходили наслоения, когда директора фактически поощрялись возможностью жаловаться на председателя в центр, при этом без обратной связи. Естественно, все привело к этому.

В чем моя вина? Моя вина в том, что я не пошел к председателю тогда же, в начале всего этого дела, и не сказал: соберите нас. Она не меньше, чем вина председателя. Я только сейчас как-то сообразил, что мне это безусловно надо было сделать. Я это не сделал не потому, что я боялся председателя. Были некие надежды на то, что все-таки здравый смысл будет у людей.

Теперь несколько слов о том, что я дальше буду делать. Хотя тут раздаются возгласы, что Томского научного центра уже нет, что вот раньше привозили делегации — скажем Обком привозил, привозили в центр, а теперь делегации только в отдельные институты... Действительно, Обком перестал привозить делегации. Но ведь не потому, что... Привозят. Но вы ведь знаете, что не так часто, как было раньше. Но причем тут Центр, его оценка? Обстановка совсем другая. Не надо это интерпретировать так, что либо авторитет у самого председателя пропал, либо у самого Центра уже не существует. Ну, как же без существования Центра можно было такое чудо сотворить, как за два года построить этот великолепный дворец? Где же логика?

Ну вот. Так вот, Центр существует. Более того, Центр се-

годня в стадии глубоких преобразования в части его управления. И я не побоюсь этого слова: я являюсь главным инициатором этих преобразований. Что это за преобразования?

Ну, например, в самое ближайшее время у нас будет создано торгово-промышленное объединение Томского научного центра, в которое мы включаем все пять наших магазинов, все наши объекты общественного питания — включая и те, которые еще сохранились в институтах, включая, естественно, ресторан в нашем гостиничном комплексе. Это вопрос глубоко проработанный, очень непростой в условиях перехода на рынок. Но уверен, что нам через короткое время не только удастся создать это управление, но и задействовать его так, чтобы оно начало приносить прибыль, при существенном улучшении работы в этих самых сегодня дефицитных областях: общественное питание и торговля.

На следующем этапе мы хотели бы Академгородок сделать полностью самоуправляемым, без какой-либо сторонней помощи. Имеется в виду связь, службы быта, существующие у нас, ликвидировать — имеется в виду, кадрово ликвидировать, кадры никуда не годные. И на этой базе создать малое предприятие, которое бы работало так, как надо. Сегодня у нас уже с почтой такие безобразия, что почту могут носить два раза в неделю, скажем, по домам. А мы хотим, чтобы сделать так, чтобы все встало в норму.

Но легко сказать, но нелегко сделать. И вот по этой причине я вынес такое предложение. Я честно говорю, я буду страшно рад завтра написать заявление, без всякой рисовки, и передать дело Крутикову — но только Крутикову, никому больше. Потому что любой другой придет — первое, что начнется, это распад великолепно слаженного механизма жизнедеятельности все-

го Академгородка. Причем этот распад может быть спонтанным. Даже если придет человек порядочный, грамотный — но его не знают. Я готов на любые другие варианты. Одно я ставлю условием, если говорить о моей личной работе в этом направлении — максимум, год. Но я могу, допустим, на завтра после того, как диссертация будет защищена. Ну, утверждаться она будет, на это его личного времени не потребуется. Если это произойдет через три месяца, пожалуйста. Сегодня защитился — завтра я гарантирую свое заявление.

Другого пути я сегодня не вижу.

И, наконец, последнее. Мне, с одной стороны, признаюсь, было приятно слышать обо мне как великом строителе. Это естественно, поскольку я отчитывался не как директор Института, не как генеральный директор Научно-технического комплекса, не как создатель Международного объединения и не как ученый, который продолжает, несмотря на все эти многочисленные обязанности, плодотворно персонально как ученый работать. За эту самую пятилетку, за которую я отчитываюсь, я реальный соавтор семи монографий, большого капитального труда "Библиотека современных проблем атмосферной оптики" из 9-ти томов, 7 из которых вышли в прошлой пятилетке и два последних — один издается через месяц и один в конце года. При этом, за январь месяц я свою долю не менее 50 % в восьмом томе сделал за новогодние праздники, за рождественские праздники.

Так вот, я это говорю только к тому, чтобы вы понимали, что у меня в самом Институте, в НТК и в Международном объединении, которое, кстати, в тяжелейших условиях экономической и

политической ситуации в нашей стране и в Болгарии (оно же советско-болгарское) не просто выжило, но мы сегодня уже имеем валюту твердую за счет коммерческой деятельности. Часть этой валюты мы уже сумели переправить в софийское представительство нашего объединения и превратить представительство в дочернее предприятие. И часть валюты мы истратили на то, чтобы сделать дочернее предприятие в Германии.

Сегодня в стадии очень срочного обсуждения вопрос о том, чтобы Институт оптики атмосферы вместе с СКБ и Научно-технический комплекс вошли бы в состав Акционерного общества, если это решение будет принято. То 20 % капитала будет американского, в долларах, 20 % - материнской фирмы, Томского радиотехнического завода, 10 % - нашего Научно-технического комплекса. Мы ждем в начале марта специальную делегацию экспертов из Соединенных Штатов Америки. Мы подсчитали 12 предложений методологически уникальных систем и технически впервые реализованных для аукционов, при положительном решении которого через несколько лет у нашего НТК, что бы ни делалось в стране, не будет никаких проблем с финансами.

Одновременно с этим те два тяжелых года для Института - все это знают, в связи с конверсией, которая сразу нас из богатых превратила в бедняков... Мне удалось сохранить все основные кадры Института. А сегодня у меня есть основания надеяться, что та подготовительная работа, которая была проведена по дальнейшему выживанию, если хотя бы на 20-30% все, что заложено, состоится, то уже в этом году позволит, по-видимому, в первый раз легко вздохнуть моему родному Институту.

Спасибо.

акад.В.А.КОПТУГ -

Владимир Евсеевич, у меня есть один вопрос к Вам. Я хотел бы понять, Ермиков что сделал для этой сложившейся ситуации. Вы сказали: Коптуг и Ермиков. Ну, Коптуг - ладно, это я у членов Президиума спрошу. Ну, а Ермиков?

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Валентин Афанасьевич, я думаю, что не к Вам, а к Ермикову, наверно, могли бы высказать такие же замечания и многие присутствующие здесь члены Президиума, потому что...

акад.В.А.КОПТУГ -

Это другой вопрос. Специально для Томского центра он ничего такого не сотворил.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Нет, Ермиков... Я так оцениваю ситуацию, что он хорошо ориентируется в политической ситуации. Он видит, скажем, что у председателя Сибирского отделения есть определенные претензии к председателю Томского научного центра. Ну, что греха таить? Я на всех собраниях Сибирского отделения выступал, и все мои выступления Вы комментировали. Ничьи другие не комментировали, а мои комментировали.

акад.В.А.КОПТУГ -

Ну, когда я не согласен с выступлением любого, я его комментирую. И сейчас буду тоже комментировать.

акад.В.Е.ЗУЕВ -

Это наше право.

акад.В.А.КОПТУГ -

К Владимиру Евсеевичу есть еще какие-нибудь вопросы? Спасибо. Теперь я хотел бы обратиться к членам Президиума.

То, что председатель всегда крайний, это ясно. Нужны ли какие-то пояснения с моей стороны относительно того упрека или обвинения, высказанного в мой адрес Владимиром Евсеевичем, что я содействовал этой кризисной ситуации, поскольку не принимал мер? Не надо?

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Нет, но все-таки, конечно, правильной было бы, если бы Вы их собрали. И выслушали бы глаза в глаза.

акад. В. А. КОПТЕВ -

Лев Васильевич, я еще раз повторяю, что мы неоднократно встречались глаза в глаза со всеми руководителями и представителями...

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Нет, вы то с той, то с другой группой, а вместе - нет. Ни одной встречи, ни одного разговора. Директора при приездах в Томск моих или вместе с Гурием Ивановичем когда мы выезжали, когда мы приезжали по вопросам, поднимавшимся Егором Кузьмичем, когда шла баталия и я переругался с Егором Кузьмичем, - разве мы не встречались и не обсуждали эти вопросы? Разве мы не касались пробывания строительства опытного цеха Большакова? Вообще планов строительства?

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Это разные вопросы, Валентин Афанасьевич. Речь идет не о том, что мы не встречались с Вами много-много раз, и здесь, и там. Я говорю лишь о том, что Вы ни разу нас не собрали - а моя вина в том, что я это дело недооценил как-то. Мне тоже надо было выйти на Вас и сказать: давайте встретимся и поговорим с глазу на глаз, Вы - третьейский судья.

акад. В. А. КОПТЯГ -

Я всегда третейским судьей выступал и продолжаю выступать. И сейчас одно из условий...

акад. В. Е. ПАНИН -

Например, после смерти Большакова Вы собрали всех директоров в комнате напротив кабинета Большакова, все высказывали свои жалобы, все обсуждалось. И Вы дали свое предложение: давайте будем решать вопрос с помощью бюро. Как же говорит председатель, что мы ни разу не собирались по этому вопросу? Это дезинформация!

акад. В. А. КОПТЯГ -

Мне казалось, что мы собирались достаточно много раз, и ситуация была ясная. К Владимиру Евсеевичу с моей стороны была одна претензия. Я всегда хотел, чтобы вопросы капитального строительства решались на основе консенсуса, с учетом мнения директоров - не всего Президиума, именно директоров. И когда этого консенсуса нет, приходиться ко мне.

Хорошо, ладно. Члены Президиума не считают нужным дальше драваться в этот вопрос. Теперь, пожалуйста - как мы будем выходить из сложившегося положения? Вот фактически выдвинуто четыре кандидатуры.

Есть предложение Владимира Евсеевича, поддержанное Екатериной Егоровной, что, учитывая сложившуюся непростую ситуацию - единственная претензия весомая, которую мы можем высказать в адрес Владимира Евсеевича, это та, которую четко сформулировала Екатерина Егоровна: что председатель, кроме всего прочего, ответственен за морально-психологическую обстановку в руководстве научным центром. Здесь можно высказать претен-

зии и ко всем директорам, но председатель есть председатель.

Что подчеркивалось некоторыми товарищами? Что сильные противостоящие стороны, кого бы ни сделать председателем, породят обратную ситуацию, и что кандидатура Владимира Алексеевича наиболее подходящая. Давайте обменяемся мнениями. Я бы хотел знать и мнения директоров.

акад. А. Н. СКРИНСКИЙ -

Я как раз хотел задать вопрос, решает ли это задачу.

акад. Н. Л. ДОБРЕЦОВ -

Он, по-моему, всех устраивает.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Я все-таки хотел бы, чтобы Президиум решил два вопроса. У нас все-таки в повестке дня первой, которая была послана в Институт, стоял отчет председателя Томского научного центра. В этой повестке, которую сегодня Президиум предлагает, написано: "О председателе Президиума..."

На самом деле мы заслушивали отчет. И, как у нас полагается по каждому отчету, надо вынести мнение Президиума по поводу деятельности Владимира Евсеевича на посту председателя за отчетный период. Насколько я слышал, и все оппоненты, и все члены Президиума об этом отзывались одобрительно. Поэтому я предлагаю принять такое решение прежде всего: одобрить деятельность академика Зуева Владимира Евсеевича на посту председателя Томского научного центра.

акад. В. А. КОПЫЛ -

Я не поддерживаю такое предложение.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

Я высказываю свое мнение. Второй вопрос - это о предсе-

дателя, в связи с тем, что у академика Зуева истекает срок полномочий и в связи со всеми остальными фактами. Это другой вопрос. Их, мне кажется, надо решить отдельно.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Понимаете, можно так поставить, Лев Васильевич, но Вы упрощаете несколько ситуацию, пытаюсь расчлнить вопросы.

акад. Л. В. ОВСЯНИКОВ -

Нет, я не упрощаю. Это нормальное для Президиума положение.

акад. А. В. РЕАНОВ -

У меня есть предложение. Я согласен, но вспомним, что мы слышали отчет только о делах строительных. Поэтому может быть компромиссное решение: одобрить деятельность академика Зуева по делам строительным.

акад. Л. В. ОВСЯНИКОВ -

Нет, не согласен, потому что, насколько мы слышали (имею в виду уши, да слышит), Владимир Евсеевич и все выступавшие представители Томского научного центра говорили не только о строительстве, а о том, что усилиями Владимира Евсеевича была создана инфраструктура в Академгородке - чем и должен заниматься председатель Президиума научного центра. Он не должен заниматься вопросами научными, потому что альтернатива - это только научные вопросы. Никакого научного доклада здесь не предполагалось. Предполагалось осветить результаты деятельности Томского научного центра, как коллектива, как организации, которая создает условия для плодотворной научной работы входящих в него институтов. Вот эти условия для плодотворной работы входящих институтов и были созданы. Вот это и надо констатировать.

То, что развивалось капитальное строительство, жилье, магазины, школы, транспорт и прочие вопросы жизнеобеспечения деятельности научного центра. Я не слышал ни одного упрека в том, что какие-то вопросы жизнеобеспечения научной деятельности Томского научного центра были решены плохо, или неправильно, или не были решены - этого не было. Поэтому я и предлагаю принять такое решение.

акад. В. А. КОПЫЕВ -

Я понимаю. Пожалуйста.

акад. Н. Л. ДОБРЕЦОВ -

Я, по-моему, единственный, кроме Владимира Евсеевича был длительное время председателем научного центра. И если четыре директора и один руководитель КБ отзывались отрицательно о том моральном климате, который сложился - это значит факт, и мы его должны в любом виде зафиксировать. И это, собственно, и есть основное содержание сегодняшнего разговора. Потому что не строительство главный, насколько я понял, вопрос, а тот моральный климат, который сложился и который служит основной причиной многих конфликтов.

Я думаю, что деятельность председателя научного центра как и Президиума, это не только строительство и создание инфраструктуры. Другая важнейшая роль, это развитие новых научных направлений и создание всех условий, чтобы и новые направления успешно развивались - как путем создания инфраструктуры, привлечения новых кадров, создания нормальной творческой атмосферы в институтах. Эта вторая часть, судя по выступлениям многих директоров, тоже не... ну, имеет некоторые изъяны, мягко выражаясь.

Что касается личных качеств Владимира Евсеевича, мне судить трудней всего, я с ним мало сталкивался. Я старался только объективно оценить ту информацию, которую дали. Поэтому, думаю, не упрощая ситуации, — мне кажется, не надо никакого решения записывать. Принять к сведению то, что мы здесь выслушали. А если уж записывать решение, то принять к сведению выдающиеся заслуги Зуева в строительстве и отметить тот ненормальный психологически-моральный климат, который сложился при его руководстве научным центром. Вину взял на себя Владимир Евсеевич, выдал вторую половину вины Валентину Афанасьевичу. Мы можем это не констатировать и не искать виноватых. в данной ситуации, потому что образ врага всегда опасные последствия вызывает, но зафиксировать мы это должны.

Либо ничего не фиксировать и принять то решение, которое уже наметилось, по-моему. Мы можем послушать еще директоров, устраивает ли их Крутиков, но, я насколько знаю, некоторые разговоры я вел, устраивает. В общем, мы должны принять какое-то решение, три месяца или полгода дать срок. И после защиты диссертации принять решение. Тот компромисс, на котором мы сейчас можем сойтись, не фиксируя его в виде какого-то конкретного решения.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ —

Можно мне? Я не согласен с выступлением Николая Леонтьевича вот в какой части. Во-первых, насчет создания научных направлений. Председатель научного центра не должен создавать, вообще говоря, научные направления. Он должен быть компетентным в какой-то области науки и ее развивать. А что касается содействия созданию научных направлений, то оно в данном случае на-

лицо, потому что, например, Институт физики прочности и материаловедения — это полностью соответствует тому требованию содействия созданию такого института. Тут Владимир Евсеевич не профессионал, он не является компетентным экспертом в этой области, здесь профессионалом является академик Панин, он создавал это. Но он имел дело, имел полное содействие. Института не было, а потом он возник. Откуда он возник? Он возник из-за того, что председатель научного центра оказывал ему содействие. Это первое.

Теперь, я не согласен и со вторым тезисом: с тем, чтобы сделать запись насчет того, что академик Зуев создал неблагоприятный психологический климат в руководстве центра. Потому что неблагоприятный психологический климат, когда есть противостояние каких-то сторон, создается обеими сторонами. Обратите внимание! И для того, чтобы в этом разобраться до конца, нужно специальное расследование этого вопроса, которым наш Президиум заниматься не будет, конечно. Поэтому такую запись я считаю совершенно неправомерной. Тогда я буду настаивать при каждом отчете директора томского института — записывать, что он тоже содействовал созданию неблагоприятного психологического климата в руководстве Томского центра. ... Так что, эта запись абсолютно не соответствует действительности, потому что она звучит как обвинение академика Зуева в том, что именно он сознательно взял и создал такую неблагоприятную ситуацию.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО —

Ну, ведь не было такого предложения. Было сказано, — констатировать факт неблагоприятного климата. Но без упоминания академика Зуева.

акад.Л.В.ОВСЯНИКОВ -

Правильно. Но ведь это делается по докладу академика Зуева. Давайте тогда констатировать этот факт по докладу каждого директора института. Томского филиала.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Лев Васильевич, Вы предложение внесли, я его записал.

акад.Л.В.ОВСЯНИКОВ -

Я настаиваю на первом своем предложении.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Хорошо, хорошо. Анатолий Пантелеевич.

акад.А.П.ДЕРЕВЯНКО -

Разговор у нас ушел не в ту сторону. Мы сначала были свидетелями тех острых конфликтов, ну, вернее, разговора очень тяжелого и неприятного, который был высказан руководителями подразделений и Владимиром Евсеевичем тоже. А сейчас начинается у нас между членами Президиума.

То есть, ситуация в данном случае... Может быть, мы бы вернулись к этому вопросу после решения вопроса о кандидате? Потому что, товарищи, совершенно очевидно, что Владимир Евсеевич внес гигантский вклад, не только в строительство, но и как ученый, и в развитие других направлений. Но то, что у него характер не мед, он и сам признавал. Я помню его выступления на Президиумах, на Общем собрании. Он не пытался, как говорится, сдерживать свои эмоции и говорил часто не совсем, будем говорить так, академически. Но, что, что действительно... Вы, Николай Леонтьевич, сказали про моральный климат в институтах. Но за институты-то тем более не отвечает председатель центра.

Мое предложение - все-таки решить главный вопрос сегодня.

и если Владимир Евсеевич предлагает Владимира Алексеевича на год или на какой-то срок, то, я считаю, предложение Александра Николаевича совершенно правильное: выслушать руководителей подразделений.

акад. В. А. КОПТУН -

Как, товарищи, послушаем?

акад. Л. В. ОВСЯНИКОВ -

Нет, надо все-таки принять решение по докладу.

акад. В. А. КОПТУН -

Давайте так. Хорошо, Лев Васильевич тут становится на формальную точку зрения. Пожалуйста.

акад. В. Е. ПАНИН -

Таких решений не принимали никогда. Принимали решение не одобрить деятельность директора, а деятельность Института.

акад. Л. В. ОВСЯНИКОВ -

Хорошо, давайте одобрим деятельность Томского научного центра.

акад. В. Е. ПАНИН -

Я деятельность Центра оцениваю высоко, несмотря на те нехорошие ситуации, которые мы видели. В то же время, я считаю, что направления у Центра сильные, и институты сильные. Больше того, я знакомился с Институтом химии нефти, и мне кажется, что за последние 10 лет он несомненно прогрессирующий. То есть, с этой точки зрения...

акад. Л. В. ОВСЯНИКОВ -

... Нам все время уводят в сторону от основного вопроса. Был поставлен вопрос: отчет академика Зуева о деятельности Томского научного центра. По этому отчету решение надо принять?

акад.В.А.КОПТЕГ -

Давайте так. Лев Васильевич настаивает.

(ШУМ В ЗАЛЕ.)

Так, с такой формулировкой согласны, чтобы мы могли двигаться дальше? "Принять к сведению отчет председателя Томского научного центра о деятельности за пятилетний период.

Я вам напомню, когда у нас истечение срока полномочий и срок комплексной проверки совпадают, то мы пишем постановление из двух пунктов. Во-первых, о директоре института или о председателе научного центра: отчет директора или председателя принять к сведению. А второй пункт обычно пишем: в соответствии с § 21 Устава, рекомендовать Общему собранию Сибирского отделения избрать такого-то и такого-то.

акад.В.А.КОПТЕГ -

Так. Приемлимая формулировка? Согласны с ней? Приняли? Хорошо. Теперь, чтобы двигаться дальше, давайте послушаем позицию директоров. Сергей Петрович. Собственно, вопрос стоит об отношении к кандидатуре Крутикова.

чл.-корр.С.П.БУГАЕВ -

Мне остается только повторить, иначе было бы неправильно, то, что я говорил на заседании нашего Президиума. На последнем заседании нашего Президиума я, слово в слово, сказал следующее: да, действительно, ситуация сегодня настолько накалена, что нам нужен человек нейтральный. И заступление кого-либо из директоров на эту должность, безусловно, было бы неразумным. Более того (не даст мне соврать ни Владимир Евсеевич, ни Владимир Алексеевич), я предпринимал определенные шаги, пы-

таясь эту ситуацию каким-то образом определить. Правда, Владимира Алексеевича я назвал "серым кардиналом", но это, я считаю, комплимент.

Я встретился с Владимиром Алексеевичем и пытался задать вопрос: Владимир Алексеевич, в чем состоит гарантия Вашей самостоятельности? За все время Вашей службы в филиале мы видели только положительное от Вас, я ничего не могу сказать отрицательного. И вопросы эти обсуждались, в течение часа, по моему. И далее уже я встречался с двумя. И предложили условие. Тогда это звучало так. Было бы хорошо, если бы Владимир Алексеевич сейчас был отпущен для своей докторской диссертации, ну, а скажем на три месяца Владимир Евсеевич поставил бы другого заместителя. Впрочем, это не имеет сейчас существенного значения. Не буду прищипаться к мелочам.

Я думаю, что нам было бы полезно еще как-то внутри обменяться. Вообще говоря, мы избираем Владимира Алексеевича, мы оказываем доверие. Но мы еще должны подумать и о структуре Президиума, в той части, кто и как будет участвовать. Потому что сказать, что Володя будет председателем, это еще половина дела. Надо еще об этих вещах.

Поэтому мне хотелось бы, в целом одобряя Владимира Алексеевича, взять какой-то тайм-аут, чтобы нам внутри себя договориться о том, как нам сориентироваться с заместителями, и так далее. Это необходимый этап. В общем-то, нам жить.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Спасибо.

ИЗ ЗАЛА -

Предлагаю вопрос отложить, пока не будет защищена докторская диссертация.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Так. Виктор Евгеньевич?

акад. В. Е. ПАНИН -

Я поддерживаю предложение Сергея Петровича - дать тайм-аут три месяца. Но не год. Против формулировки "продолжить срок председателя на год" мы возражаем. Три месяца. За эти три месяца решается вопрос с защитой. И мы за три месяца выработаем в Томском центре структуру управления. Потому что просто смена председателя, это еще не все. Сегодня мы должны отразить изменение обстановки страны в целом и прийти к коллегиальному управлению бюро - вот как мы договорились, что бюро должно определять вопросы. Мы должны договориться, как это осуществить. Такое бюро, как сейчас, своих функций не выполняет.

Поэтому в целом я думаю, что этот вариант приемлим. Три месяца, мы все прорабатываем, даем предложения наши, и так далее.

акад. В. А. КОПТЮГ -

А можно таким образом суммировать? С учетом ваших дополнительных предложений. Что, так бы я сказал, учесть рекомендацию Владимира Евсеевича... нет, учесть вроде бы достигнутое согласие о целесообразности привлечения к работе на посту председателя в ближайшее время человека в ранге доктора наук. У меня такое впечатление. Потому что в этой ситуации вы хотите видеть человека достаточно нейтрального и человека, который будет стараться достигать консенсуса между директорами. У Шабонова хорошо это получилось, да. Одна из таких кандидатур при рассмотрении рекомендована Владимиром Евсеевичем Зуевым. Это

кандидатура Крутикова.

акад. Л. В. ОВСЯННИКОВ -

И поддержана всеми директорами.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

На Президиуме он был выдвинут Екатериной Егоровной.

акад. В. А. КОПТЮГ -

Ну, тогда можно так сказать: в качестве одной из кандидатур Президиум рекомендует рассмотреть прежде всего Крутикова. В этой ситуации.

А третье я скажу следующее. Хотите вы или не хотите, но на этот период элементы президентского правления придется вводить. Состоящие вот в чем. Мы просим Президиум работать на основе консенсуса директоров. Если вопросы какие-то по ним консенсуса не достигается - в соответствии с предложением Владимира Евсеевича, глаза в глаза собираются у председателя, чтобы снять вообще возможности вспышек.

акад. В. Е. ЗУЕВ -

Можно справочку? У нас просто разное понимание консенсуса. Ни на одном из бюро у нас не было ситуации, чтобы мы разошлись, разругавшись. Мы договаривались. Но дальше... Мне предъявляется претензия, что мы договаривались, но я потом что-то все равно делал по-своему. Так вот, это не соответствует действительности.

акад. В. А. КОПТЮГ -

...И третье, что мы просим (и это все должно быть зафиксировано) по самым злым вопросам работать на основе консенсуса с подписанием. Тогда председатель на это время есть. Да, еще что в качестве первой кандидатуры мы рекомендуем рассмот-

реть, в соответствии с представлением , кандидатуру Крутикова, с общим мнением Президиума.

А это время они прорабатывают вопросы. Потому что когда мы говорим консенсус, они должны в частности и этот вопрос готовить. Так, товарищи, приемливо или нет? Приемливо? Слава богу. Тогда мы все это положим на бумагу и все это согласуем окончательно.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО -

Два слова можно? Я думаю, что сегодня разговор был важен и с другой точки зрения, потому что мы, все проблемы были связаны с капитальным строительством. Мое предложение следующее. Чтобы на Общее собрание каждый год по итогам года мы все-таки давали площади, которые имеет каждый институт, исходя из научных сотрудников, инженерно-технических, и так далее. И когда рассматривает Президиум план капитального строительства, чтобы мы имели реальное представление действительного положения во всех институтах Сибирского отделения.

акад. В. А. КОПТЕВ -

Он имеет в виду, на нос чтобы было.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО -

Товарищи, когда это было год назад, я, помню, выступил. Примерно там следующая была картина. Что в целом по Сибирскому отделению где-то 19,8, по Новосибирскому центру - 21,4. Я выступил и говорил о положении у нас, в гуманитарной науке. Мне сказали, что те цифры неверны. Поэтому для меня очень важно, чтобы это было каждый год. И когда мы составляем план капитального строительства на пятилетку, чтобы мы руководствовались именно этим.

реть, в соответствии с представлением, кандидатуру Крутикова, с общим мнением Президиума.

А это время они прорабатывают вопросы. Потому что когда мы говорим консенсус, они должны в частности и этот вопрос готовить. Так, товарищи, приемливо или нет? Приемливо? Слава богу. Тогда мы все это положим на бумагу и все это согласуем окончательно.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО -

Два слова можно? Я думаю, что сегодня разговор был важен и с другой точки зрения, потому что мы, все проблемы были связаны с капитальным строительством. Мое предложение следующее. Чтобы на Общее собрание каждый год по итогам года мы все-таки давали площади, которые имеет каждый институт, исходя из научных сотрудников, инженерно-технических, и так далее. И когда рассматривает Президиум план капитального строительства, чтобы мы имели реальное представление действительного положения во всех институтах Сибирского отделения.

акад. В. А. КОПТКОВ -

Он имеет в виду, на нос чтобы было.

акад. А. П. ДЕРЕВЯНКО -

Товарищи, когда это было год назад, я, помню, выступил. Примерно там следующая была картина. Что в целом по Сибирскому отделению где-то 19,8, по Новосибирскому центру - 21,4. Я выступил и говорил о положении у нас, в гуманитарной науке. Мне сказали, что те цифры неверны. Поэтому для меня очень важно, чтобы это было каждый год. И когда мы составляем план капитального строительства на пятилетку, чтобы мы руководствовались именно этим.

Потому что мы действительно фактически имеем готовый уже план, а реально разобраться, кто есть кто - у меня, например, не было никогда представления об этом.

акад.Л.В.ОВСЯННИКОВ -

Тут есть тонкости в этом Вопросе. Можно мне обратить внимание? Дело в том, что площади бывают разные. Может быть какой-нибудь технический центр - там может быть 500 кв.м, а работает 5 человек, в силу высокого уровня автоматизации. Нельзя же считать: вот, там люди живут так, что у них по сто квадратных метров. Понимаете?

Надо считать камеральные помещения, которые для такой работы... умственной, что ли, отдельно, а производственные площади, занятые цехами, производством и прочее - отдельно... Крупные установки, опять же: один оператор сидит, а у него там...

(Шум в зале.)

От этого у Анатолия Пантелевича впечатление и создается, что огромные площади в Сибирском отделении, а у него ничего нет. А у нас, например, в Институте тоже в камеральных помещениях сидят в одном модуле по 5-6 человек

акад.А.П.ДЕРЕВЯНКО -

Лав Васильевич, это я понимаю. Но я прошу иметь в виду следующее. Сейчас у нас на 100 миллионов иен оборудования. Мы ликвидировали музей наш, но нам сейчас поставить его некуда. Еще мы получим в этом году примерно на 600-700 тысяч долларов.

акад.В.А.КОПТЮГ -

Мне бы все-таки хотелось еще два-три слова сказать, товарищи. Давайте все-таки мы вернемся и посмотрим сверху на то, что мы обсуждали.

Я думаю, что мы должны... обсуждение шло горячо, с переклестами, со взаимными упреками, но когда уже сложилась напряженная такая атмосфера, это, я думаю, ладно. Что, мне кажется, мы должны вынести?

Первое. Что Владимир Евсеевич вложил титанический труд в развитие Томского научного центра и, в частности, в эту пятилетку. В этом ему, конечно, помогали очень сильно — это тут правильно подчеркивалось — Томский областной комитет партии, который все время держал руку на пульсе, и коллектив-сподвижник. Поэтому при всем при том его роль здесь огромна.

Второе. Центр, как справедливо здесь отмечали, в целом имеет сегодня в своем составе сильные институты. Это сильный Центр.

Третье обстоятельство. Меняется вся ситуация взаимоотношений в Академии наук, вообще в научных сообществах, ну, и за пределами научных сообществ. Ситуация, при которой требуется вовлечение в оборот тех, кто протестует против того, чтобы Академия формулировалась как "состав академиков и членов-корреспондентов". Когда надо шире привлекать докторский корпус. Мы потихонечку в этом направлении движемся. Мы и Устав свой переделали, который будет обсуждаться в марте. Мы с Шабановым сделали такой пробный шаг и, слава богу, вроде бы не ошиблись.

Поэтому давайте рассматривать здесь предложение Владимира Алексеевича после всех баталий сверху — с позиций того, что мы в данном случае хотим привлечь силы докторов к работе, которая требует отрыва от основных научных проблем.

Потому что, действительно, обсуждая вопросы отчета Владимира Евсеевича, мы не смотрели на него как на директора, не

смотрели на него как на ученого — с чем он нам здесь праведливо напомнил. Потому что действительно с председателя требуется, прежде всего, строительство и создание условий для всего сообщества.

Поэтому взаимные претензии мы будем стараться, и просим руководителей организаций и членов Президиума Томского научного центра сейчас как-то переступить, через эти вещи — и мы давайте смотреть на эти вещи так же. Мы поясняли отношения, но вот наша оценка, хорошая, серьезная, с учетом всей ситуации. Мы воспринимаем те рекомендации, которые прозвучали во время сегодняшнего выступления, и она будет записана.

И я бы просил соответственно и представителей прессы, которые здесь есть, не сгущать краски.

Согласны? Тогда все, спасибо.

А, да, прошу прощения. Одно помню: это о ректоре Университета. 21-го числа... Что я хочу сказать? Вы тогда мне поручили побеседовать с Дмитрием Дмитриевичем Рютовым, в первую очередь. Я беседовал с Дмитрием Дмитриевичем. Дмитрий Дмитриевич сразу стал открещиваться, — ни в какую, не хочу я быть ректором, я только освободил себя для научной работы... Долго мы с ним беседовали. В конце-концов он сказал: знаете, мне представляется, что мы должны в нынешней ситуации, когда на руководителя сваливается столько забот и хлопот, подумать о том, чтобы не стравливать людей от науки. И он предложил рассмотреть вариант ротированного ректората. В связи с чем я вспомнил ситуацию в Научном совете, когда выбирается не ректор, не президент, а выбирается вице-президент — президент-элект. Он два года работает в паре с президентом, после чего президент уходит, приходит новый президент, выбирают вице-